

ОТ АВТОРА РОМАНА "КОНЕЦ ЛЕТА"

АНДЕРС

ДЕЛА МОТТ

ОСЕННЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

MASTER DETECTIVE

Corpus

"Осеннее преступление" можно отнести
к "сливкам" шведской детективной литературы

LITERATURMARKT

Андерс де ла Мотт
Осеннее преступление
Серия «Master Detective»
Серия «Квартет времен года», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63703215
Осеннее преступление / Андерс де ла Мотт; пер. с шведского Е.
Тепляшиной: АС; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-121278-0

Аннотация

Следователь Анна Веспер переезжает вместе с дочерью из Стокгольма в Сконе, чтобы возглавить отделение полиции в городке Неданос. Вскоре Анне становится ясно, что и коллеги, и соседи пытаются ею манипулировать. Все указывает на то, что это как-то связано с трагическими событиями почти тридцатилетней давности. Тогда в заброшенной каменоломне, в воде, было найдено тело подростка – сына хозяйки той самой усадьбы, которую снимает Анна.

“Осеннее преступление” – вторая книга в серии сюжетно не связанных друг с другом детективных романов, действие которых происходит в южной Швеции.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	34
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	89
Глава 8	98
Глава 9	106
Глава 10	114
Глава 11	123
Глава 12	137
Глава 13	144
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Андерс де ла Мотт

Осеннее преступление

*Моим мальчикам, которые в один прекрасный
день завоюют мир.*

*The falling leaves
Drift by my window.
The falling leaves of red and gold.*

*I see your lips,
the summer kisses,
the sunburned hands I used to hold.*

*Since you went away
the days grow long
And soon I'll hear old winter's song
But I miss you most of all my darling
When autumn leaves start to fall.¹*

Джонни Мерсер

*"Come little leaves", said the wind one day.
"Come over the meadows with me and play.
Put on your dresses of red and gold.*

---

¹ Там за окном
Роняют листья
В осенней дреме дерева
И с летом вдаль
Уходят
Твои слова, мои слова
Наш огонь души потушен пылью снежной,
Осень
унесла любовь, мой друг...
Лишь в ночной тиши твой образ нежный
В памяти
моей возникнет вдруг.
(Пер. В. Леонтьева)

For summer is gone and the days grow cold”²

Джордж Купер

Anders de la Motte

Höstdåd

(Årstidskvartetten #2)

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Anders de la Motte, 2017

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS ®

Муниципальный округ Неданос и поселок Мёркабю, подобно Рафтинге из “Конца лета”, вымышлены. Однако на их создание меня вдохновили родные места на северо-западе Сконе, главным образом Бьюв, Осторп и Свалёв, раскинувшиеся на прекрасных склонах Сёдеросена.

Описанная в романе каменоломня существует в реальности, как и ее литературная сестра, она не отмечена на карте. Однако уже не одному поколению купальщиков известно,

---

² Давайте, листочки, сказал ветерок. Летимте со мной, поиграем денек. Наденьте наряды красные с золотом, Ведь лето прошло. Земля ждет холода.

где она находится, — так же, как им известно: темная вода так глубока, что даже в Сконе в разгар лета она не нагревается выше двадцати градусов.

Пролог

Вода начинала свой путь где-то в темных глубинах эскера – сложенной ледниками гряды. Бежала из подземелья наружу с таким напором, что прорывалась вверх, с усилием преодолевала метр за метром через скальную породу, плотный песок и глину. Эскер высился на двести метров, и без человеческой помощи вода быстро теряла скорость. Поворачивала и текла вниз, между корней лиственного леса, покрывавшего склоны, и под конец растекалась ручьями в крутых оврагах, прорезавших склоны ледниковых валов. Но в начале двадцатого века на вершине эскера, на самом хребте, положили каменоломню. Диабас и амфиболит; жесткие, черной масти горные породы – такие хороши на могильные плиты.

Человек жадно разбивал кайлом, взрывал породу и вгрызался все глубже в скалу – до того самого дня, когда шахта пересеклась с водой и подземной реке открылся легкий путь на поверхность. Вода отблагодарила человека тем, что вырвалась наружу с силой, какой никто и представить себе не мог. Через какие-нибудь полгода насосы переломались, механизмы развалились, и каменоломню забросили.

Место пришло в запустение. Вода превратила пролом в глубокое озеро, с трех сторон ограниченное темными крутыми скалами. С четвертой стороны протянулся на несколь-

ко метров “пляж”. Лес поглотил подъездную дорогу, поросль отвоевывала свои владения; наконец на месте старых барачков остались только заросшие развалины да пяточок берега, где камень слежался так плотно, что никакая жизнь уже не могла сквозь него пробиться.

Каменоломню открыли заново лишь в шестидесятые, когда лесовозам потребовались новые волокы. Вход туда, конечно, был запрещен, но со временем в это красивое уединенное место стали бегать купаться местные ребяташки. Здесь можно было встречаться и делать что угодно, не боясь попасть под чей-нибудь бдительный взгляд. К этому времени никто не помнил глубины каменоломни. Некоторые говорили, что вода уходит на двадцать метров ниже поверхности, другие – что на сорок. Иные даже утверждали, что каменоломня вообще не имеет дна, а возможно такое или нет – бог знает.

Много ходило слухов о том, что скрыто на глубине. Остатки автомобилей, воровская добыча, останки давным-давно пропавших людей. Рассказы множились, как хотели, чем дальше, тем диковиннее. Но те, кто лично наведывался к каменоломне, были уверены в двух вещах: что черная вода так глубока, что даже в разгар сконского лета не нагревается больше, чем на двадцать градусов. И что кто-нибудь из парней, которые повадились забираться на дальний обрыв и нырять с самого высокого выступа, рано или поздно свернет себе шею.

Чтобы достать тело из воды, понадобились четверо пожарных. На усыпанном острыми камешками крутом берегу найти опору для ноги было непросто. Пару раз мужчины спотыкались и выпускали ношу из рук. Вода будто противилась им, желая удержать тело у себя как можно дольше.

На расстоянии казалось, что молодой человек спит. Он лежал на спине – закрытые глаза на бледном умиротворенном лице; вот-вот проснется.

Но когда тело с глухим страшным стуком положили на каталку, иллюзия развеялась. С одежды и длинных волос юноши стекала холодная вода, смешивалась с кровью из пробитой головы и собиралась в розоватые лужицы на носилках, чтобы потом, собравшись с силами, впитаться в сухую жесткую землю и исчезнуть в темноте.

Вода всегда стремится в самую низкую точку, подумал полицейский, стоявший поодаль. Может, записать? Пролистать блокнот до последней страницы, где собраны похожие мысли? Незначительные размышления, которые не имели отношения к полицейской работе, но которые все же следовало записывать – может, чтобы уравновесить другие записи. Но полицейский все медлил на странице, которую только что начал.

Вверху страницы он написал место, время и дату – всего через несколько минут после того, как вышел из машины.

Каменоломня Мёркабю, 05.54, 29 августа 1990 г.

Под верхней строкой он оставил место для имен четырех молодых людей, топтавшихся перед ним с пепельно-серыми лицами; ребята старались не смотреть на носилки, но их словно тянуло бросить взгляд именно туда. Полицейский знал этих ребят, знал, в каком году они закончили школу, знал, живут они на гряде или внизу, в поселке, знал даже, как зовут их родителей и где они работают. Обычно ему нравилось выезжать на вызовы в сельскую местность. Личные знакомства, приятельские отношения. Но этим утром полицейскому впервые захотелось работать в городе. Он принял-ся записывать имена в столбик.

Александр Морелль

Карина Педерсен

Бруно Сорди

Мари Андерсон

Всем по девятнадцать лет – так же, как юноше на носилках. Не далее как в июне полицейский видел их всех в кузове грузовика – студенты торжественно проезжали по поселку. Пили пиво из банок, дудели в дудки, размахивали белыми фуражками, вопили от радости: их ждет такое будущее!

“Симон Видье”, записал полицейский в самом низу страницы и подчеркнул оба слова двойной чертой. Он уже знал, кто жертва, хотя написать это имя означало для него сделать ситуацию совсем невыносимой. В коммуне Неданос все знали Симона Видье. Вундеркинд. Один на миллион. Парень, который завоюет мир, увидит удивительные места и возьмет

в это путешествие родной поселок со всеми его жителями. Но история Симона закончилась в холодной черной воде, в провале всего в нескольких километрах от родного дома.

Затрещала рация, и суровый, хорошо знакомый голос продиктовал инструкции, которые полицейский тут же записал.

– Алекс, папа уже едет, – сказал он одному из ребят – широкоплечему спортивному парню с борцовскими ушами-“пельменями”; его имя шло в блокноте первым. Парень в ответ коротко кивнул.

Полицейский еще раз взглянул на четверку, наморщил лоб и сделал под именами несколько пометок.

У Мари Андерсон мокрая одежда, записал он. У Александра Морелля, Карины Педерсен и Бруно Сорди одежда сухая.

Возможно, это бессмысленное наблюдение. Факт, не имеющий никакой ценности. Во всяком случае, именно это полицейский будет утверждать потом, когда формулировка просочится в полицейский рапорт и люди станут спрашивать, что означают эти пятнадцать слов.

Но о грядущих трудностях полицейский еще не знал. Он знал только, что у него есть задание и его следует выполнить. Надо задавать вопросы, а ответы записывать в блокнот, страница за страницей.

– Итак, что же произошло? – Он старался говорить как можно мягче. Ни один из четверых не ответил. Ребята пере-

стали наконец бороться с собой и теперь не сводили глаз с носилок. Красноватая вода продолжала сочиться из пробитой головы Симона Видье и уходить в самую низкую точку, дальше, ниже, в темноту.

Глава 1

Осень 2017 года

Вдоль длинной извилистой дорожки, круто взбиравшейся по гряде, тянулись вымоины и росли высокие деревья. Пылающие краски отражались в лаке машины, а потом уходили вверх, к высокому небу.

– Шведское лето умирает правильно, – говаривал Хокан. – Взрыв красок – а потом вечный мрак, *that's the way to go*³. Верно, Анна?

Потом он начинал мурлыкать припев к “*Out of the blue*” и изображать, будто играет на гитаре, пока Агнес и Анна не начинали корчиться от смеха. Хокану нравилась осень, он любил выбираться на природу. Жить в палатке, бродить в горах. Оба они тогда были молоды, беззаботны. Маленькая Агнес качалась, легкая, как перышко, в слинге у него за спиной. С тех пор прошло пятнадцать лет, и все же Анна с легкостью вызывала в памяти эти дни. И песенку.

“*It's better to burn out, than to fade away*”⁴, пел Нил Янг.

И все-таки Хокан сделал именно это. Он медленно потухал, *out of the blue och into the black*⁵, пока у Анны в голове

---

³ Вот как надо (*англ.*).

⁴ Лучше сгореть дотла, чем выцвести (*англ.*).

⁵ Из синего в черный (*англ.*).

не остался от него только шепот.

Анна, милая, спаси меня!

Анна прибавила громкости – Агнес выбрала радиоканал с какой-то грохочущей музыкой, после чего, как всегда, уткнулась в телефон. Они ехали уже долго, почти семь часов, вдвоем в машине, но диалог дочери и матери длился в общей сложности не больше десяти минут. Анна покрепче обхватила руль и заставила себя смотреть на дорогу, избегая деревьев, неба и красок, которые прорезали ее насквозь. Красные, золотистые и голубые лезвия бритвы.

Она ненавидела осень. Ненавидела.

Три ключа свисали со связки, воткнутой в замок зажигания. Первый – от виллы в Эппельвикене, она больше не их дом. Второй ключ – запасной к съемному жилищу Хокана, ключ, вообще говоря, следовало вернуть зимой, когда аукционная фирма освобождала унылые комнатухи. Ключ номер три отпирал ее кабинет в стокгольмском полицейском управлении. Этот ключ следовало сдать позавчера, вместе с пропуском, но Анна придержала его у себя.

Потому что, если открыть ключницу и начать доставать ключи, надо идти до конца, шептал Хокан. Доставай ключи все вместе. И не только ключи, но и замки, двери, комнаты – воспоминания.

Заткнись, буркнула Анна.

Природа на вершине гряды была совсем другой, чем у подножия. Открытый ландшафт сменился лиственными ле-

сами и холмистыми лугами с прочными каменными ограда-ми. Белые коровы глазели на их машину. Как будто пони-мали: приезжие, чужаки. Двухрядная дорога, бежавшая по хребту гряды, была такой узкой и извилистой, что при виде других машин Анна рефлекторно сбрасывала скорость. Когда они подъезжали к перекрестку, мобильный GPS как буд-то заколебался. Анна понимала почему. Растительность на обочинах узкого съезда была недавно выкорчевана, гравий – темнобурый, свеженаасыпанный. А вот табличка со словом “Табор” оказалась старой, почти в заломах, как когда смина-ешь бумагу, а потом пытаешься снова разглядить.

Мило сидел на коленях у Агнес; когда проселок исчез в зеркале заднего вида, терьер оперся лапами о дверцу и при-жался носом к окошку. Хвост энергично ходил из стороны в сторону, словно собака узнавала эти места, что было, ко-нечно, невозможно: ему еще не случалось ступать на землю Сконе. Агнес так и сидела, опустив глаза в телефон, ее паль-цы быстро касались экрана.

Анна покосилась на часы. Фургон с мебелью, который они наняли для побега, придет через час после них. Для пере-езда, поправила она себя. Это переезд и ничего больше.

Ну конечно, ухмыльнулся у нее в голове Хокан. Кого ты пытаешься обмануть?

Чтобы заглушить его, Анна еще прибавила громкости. Узнала песенку – одну из немногих новых, которые ей нра-вились.

– О, хорошо! Сара Ла-арсон, – сказала она, в основном чтобы нарушить тишину, – и тут же попала в ловушку. Имя вышло как бы с придыханием, и Агнес в ответ не то вздохнула, не то хмыкнула, не поднимая глаз. У шестнадцатилетней дочери в запасе имелось достаточно способов наказать Анну. Волосы, выкрашенные в ярко-розовый цвет, одно колечко в ноздре и пять – в правом ухе. Дырявые джинсы, темный макияж, армейская куртка, стоптанные “конверсы” – вся эта униформа бунтовщицы стерла без остатка следы прежней Агнес. Не говоря уже о левацких идеях, ультрафеминизме, куртке с сообщением “*All Cops are Bastards*⁶” и прочих минах-ловушках, между которыми Анне приходилось пробираться с особой осторожностью, иначе каждый разговор между матерью и дочерью грозил закончиться взрывом. Но ни одно наказание и близко не было так эффективно, как то, к которому дочь прибегла сейчас. Молчание.

Обычно люди открывались перед Анной. Хокан утверждал, что она излучает особый свет. Однако все дело было в ее заикании. Анна знала, что заикается едва заметно – чуть притормаживает на определенных звуках, а иногда и вовсе говорит гладко. Она вообще не думала о заикании как о проблеме, пока родители, когда она училась в начальной школе, в один прекрасный день не отправили ее к логопеду. В результате Анна стала меньше говорить и сосредоточилась на слушании. Большинство слушает вполуха; в основном люди

---

⁶ Все левые – сволочи (дш.).

думают, что сказать, и потому упускают суть чужих речей. И не только слов и интонаций, но и свойственных людям бессознательных микровыражений: движения головы, жесты, мимика, паузы. Знаки, которые иногда идут вразрез со словами. Именно так Анна поняла, что ее родители разведутся. И что Хокан ей изменяет.

Из-за молчания Агнес она, наоборот, сознавала каждое слово, каждую фразу, готовую сорваться с губ, и это чувство каким-то образом перемещалось в речевой центр. Превращалось в электрические помехи между мозгом и ртом, придавая Анне неуверенный вид. Анна бесилась, потому что на самом деле заикание не имеет ничего общего с неуверенностью.

Дыши, дыши...

Анна бросила взгляд в зеркало заднего вида и заметила, что стиснула зубы – какой у нее дурацкий вид. Темные волосы и глаза она унаследовала от отца, острый нос – тоже, но вот эта горькая мина у нее определенно от матери. Анна тряхнула головой, чтобы согнать с лица сердитое выражение, одновременно твердя себе, что правильно поступает, следуя совету школьного куратора проявлять терпение и избегать конфронтации. Ему-то легко было давать советы. Он общался с Агнес один час в неделю, а жить с ней ему и вовсе не приходилось.

Дыши...

Лес подступал к обочине гравийки все ближе, и Мило с

взволнованным ворчанием все теснее прижимался к окошку. Этот пес – типичный пример сумасбродств Хокана. На четырнадцатилетие Агнес Хокан просто явился в дом с собачкой в руках. Во время развода они обещали друг другу не скатываться в стереотипы. Держать себя ровно, не превращаться в доброго и злого полицейского. Но именно это они и сделали.

Хокану досталась главная роль – веселого любящего папы, а вот Анне, она сама не заметила, как это вышло, пришлось влезть в рамки стереотипной роли второго плана – скучная зануда-мамаша, которая только и знает, что рассуждать о правилах и ответственности. И настолько не любит животных, что даже не разрешает дочке завести щенка. Анна сдалась. Ппустила это существо в дом, просто чтобы показать: она тоже умеет быть классной, способной к спонтанным поступкам. Не помогло.

Мило снова зарычал, на этот раз громче, словно заметил в тених между деревьями нечто, понятное только собакам. Наверное, кроликов. Этот дурак с ума сходит по кроликам, может часами гоняться за ними, если сбежит, а сбегает он часто. Не в меру активный и избалованный, терьер смотрел на нее как на пустое место – примерно, как и Агнес. Зато Агнес он любил больше всего на свете, этого у него не отнимешь. А она – его. Иногда Анна ловила себя на том, что ревнует к Мило, что уже ни в какие ворота не лезло.

Дорога, петляя, уходила все глубже в лес, пылающая

листва тесно смыкалась над головой, и хотя Анне уже давно показалось, что они добрались до вершины гряды, дорога продолжала подниматься.

– У тебя тоже уши заложило? – спросила она, постаравшись, чтобы голос звучал нейтрально. Агнес в ответ что-то промычала, не отрывая глаз от телефона.

Минут через пять они повернули и въехали на продолговатый двор. С обеих сторон тянулся лиственный лес, неба в просветах между кронами оставалось не больше пары метров. С левой – длинной – стороны протянулся в сторону деревьев сарай. Поодаль, с короткой стороны площадки, на склоне высился красивый старый дом из кирпича.

У дома стояла темная машина. Подъехав, Анна увидела, что кирпичи между первым и вторым этажами покрыты белой штукатуркой. Слева на белом прямоугольнике значился год – “1896”, за которым следовал текст “Skaden herrensbergh”⁷, исполненный наклонными буквами.

Место и дом оказались даже красивее, чем на фотографиях, но Анна вдруг занервничала. Откуда-то из диафрагмы внезапно поднялось смутное чувство тревоги, которое она не могла – или не отваживалась – назвать словами.

Когда они притормозили перед домом, ворчание Мило перешло в возбужденный лай. Он царапал дверь и бросался на окошко, словно хотел разбить стекло.

– Что ты, мой хороший? – Агнес хотела прижать пса к се-

---

⁷ Воззри на гору господню (*weed.*).

бе, но тот засучил лапами и снова набросился на окно; раздался громкий стук, и на стекле осталось пятно слюны.

– Мило, фу! – Агнес попыталась схватить его за ошейник. Собака завертелась, зафыркала и оскалила зубы. Телефон Агнес со стуком провалился между сиденьями.

– Ах ты!..

Ее пораженный тон как будто успокоил собаку. Мило сполз на пол и спрятал голову за фотосумкой.

– Он еще никогда на меня не огрызался. – Казалось, Агнес вот-вот расплачется. – Никогда!

– Наверное, писать хочет, – сказала Анна. – Видишь, как ему стыдно. Выпусти его – и увидишь.

Едва дверца открылась, как собака, извиваясь, пролезла мимо ног Агнес и белой кометой метнулась к деревьям.

– Мило, Мило, ко мне! – Агнес рванула к себе футляр с фотоаппаратом и кинулась за собакой, гравий захрустел под стоптанными кроссовками. Анна осталась стоять возле машины. Сегодня ей что-то не хотелось гоняться за Мило. К тому же он, как ей имела обыкновение холодно указывать Агнес, не ее собака.

Анна услышала, как терьер возбужденно лает в лесу, потом как Агнес орет на него, и не смогла подавить злорадную улыбку. Придурок, а не собака.

Она принялась рассматривать вторую машину. Чисто вымыта. “Пассат” модели этого года. Ни детских кресел, ни упаковок из-под еды из “Макдональдса” на полу, ни защитных

экранов с Винни-Пухом на боковых окнах. На то, что машина не бесхозная, указывала только бутылка с водой в держателе между сиденьями.

Анна немного потянулась, пару раз глубоко вдохнула. Осеннее небо было высоким и ясным, в воздухе стоял запах земли и прелых листьев; этот запах смыл неприятные чувства, и на их место пришло напряженное предвкушение. Вот они и приехали. Приехали в свой новый дом. Анна констатировала, что Табор ничуть не хуже, чем на фотографиях. Несмотря на кислое настроение Агнес и предпринятую Мило попытку сбежать, сегодняшний день казался Анне неплохим началом... *бегства*, прошептал Хокан, прежде чем Анна успела заткнуть его.

Крупный гравий во дворе был хорошо разрыхлен; оконные и дверные рамы, а также чердачный наличник недавно покрасили. Некоторые пластины черепицы на крыше были светлее других – значит, их заменили. Красивый старый дом из кирпича, две двери. Ближе к углу, к правому торцу, – широкая, двойная, что чисто технически означало: это главная дверь. Однако железный засов с большим висячим замком свидетельствовал, что дверь больше не используют.

Другая дверь чуть левее центра фасада, всего в нескольких метрах от Анны. Выкрашенная зеленым, дверь высилась над метровой ширины ступеньками, добела истертыми многими тысячами шагов. Не успела Анна отойти, как дверь открылась и вышел мужчина, ровесник самой Анны.

Под метр восемьдесят ростом, в солнечных очках с черными дужками. Пиджак и галстук, но вместо костюмных брюк – джинсы.

– Здравствуйте-здравствуйте, вы, наверное, Анна Веспер. – Мужчина протянул руку. – Ларс-Оке Гуннарсон, юридическая контора “Гуннарсон”. Зовите меня просто Лассе, меня все так зовут.

Анна узнала низкий голос Гуннарсона – слышала его по телефону вчера вечером, хотя в самом Гуннарсоне что-то не вязалось с его собственным голосом.

Просто-Лассе, кажется, заметил ее колебания.

– Вы ждали кого-нибудь постарше, да? Не вы первая. Местные начали путать меня с моим отцом, когда мне еще тридцати не было. И тот факт, что мы столько лет вместе руководили делами и отвечали по одному телефонному номеру, дела не улучшает.

Он улыбнулся. Проявил зубы, которые, находясь его бюро в Стокгольме, наверняка стали бы идеально симметричными и неестественно фарфорово-белыми, но были вполне нормальными для человека, которому скоро исполнится пятьдесят.

– А теперь папа играет в гольф на Майорке, а я рулю конторой. – Он хохотнул, вызвав у нее ответную улыбку.

Не то чтобы Анне нравились юристы или адвокаты – она едва выносила своего собственного. Но к Просто-Лассе почему-то трудно было испытывать неприязнь. Светлые во-

лосы на лбу, наверняка крашенные, делали его похожим на мальчишку с этикетки “Каллес”⁸.

Анна покосилась на его левую руку. Ни обручального кольца, ни даже натертости или белого следа от него. Анна бессознательно потеряла собственный безымянный палец. Прошло уже больше двух лет, но ей все еще казалось, что она ощущает тонкую бороздку.

– Как здорово, что вы решили поселиться здесь, а не в поселке. Табор – это нечто особое.

Просто-Лассе улыбнулся и махнул рукой на строение, словно маклер, а не семейный юрист.

– Не помню, рассказывал я или нет, но дом построили в 1896 году как миссионерскую церковь. Старая история: миссионер вылечил ребенка здешнего хозяина и в благодарность получил надел земли и материалы для строительства. Но это просто легенда. В конце девятнадцатого века усилилось движение национального возрождения, и миссионерские дома росли как грибы, по всему захолустью. В коммуне было еще три, но сейчас Табор остался единственным. Ну что, зайдем?

– Мне нужно дождаться дочь. У нее собака убежала. – Крики и лай в лесу не утихали во все время разговора. Наверное, надо бы пойти посмотреть, что там, хотя бы предложить помочь, но на самом деле Анна была не против немного отдохнуть от пассивной агрессии Агнес.

– Можно пока посидеть на кухне. Я оставлю входную

---

⁸ Традиционный шведский спред из икры мойвы.

дверь открытой, и ваша дочка увидит, куда идти, – предложил Просто-Лассе, словно прочитав ее мысли. Анна колебалась недолго.

– С удовольствием. – Она улыбнулась в ответ.

Они вошли в переднюю с низкими дверцами и повернули налево, в кухню. Изнутри Табор тоже был хорош. Толстые кирпичные стены, потолочные балки, старый деревянный пол и окна с переплетом. Посреди кухни – старинная дровяная печь, в которой пылает огонь. Просто-Лассе, наверное, уже провел здесь какое-то время. По кухне разливалось приятное тепло и славный домашний запах, что усиливало умиротворение, которое излучал старый дом.

– Видье купили землю и дом сразу после Второй мировой войны. Национальное возрождение к тому времени давно сошло на нет, и дом был довольно-таки заброшенным. Кофе?

Просто-Лассе указал на новенькую кофеварку “Мокка”, стоявшую возле мойки; из фильтра еще стекала струйка кофе.

– Спасибо, с удовольствием.

Он налил кофе в две синие керамические чашки, и Анне пришло в голову, что кухню, наверное, тоже полностью обновили, как и стены снаружи. Шкафчики и разделочные столы явно старинные, но под запахами дровяной печи и кофе отчетливо угадывались запахи опилок, краски и клея.

– Табор долгие годы использовали как барак. Видье, как и сейчас, занимались лесоводством и держали фруктовый сад.

Нанимали много сезонных рабочих, которым надо было где-то жить.

Анна отхлебнула из чашки и посмотрела в окно с переплетом. На лесной опушке было тихо. Анну настигли угрызения совести и тревога. Почему она не помогла Агнес изловить глупого пса? Ведь этот дом – их новое гнездо, здесь они начнут все сначала.

– ...а потом, как я и говорил, здесь лет двадцать пять было художественное ателье, – проговорил Просто-Лассе, и Анна поняла, что пропустила какую-то часть рассказа.

– Вы говорили, у вас есть что-то Карла-Ю?

Она кивнула.

– У моих родителей была в гостиной одна из его литографий. Иногда я прокрадывалась туда, сидела и смотрела на картину, она казалась мне такой красивой. – Анна встала, вздохнула. “Карл-Ю тоже заикался, – услышала она голос отца. – Видишь, Анна, заикам тоже везет”.

– И что с этой литографией? – спросил Просто-Лассе. – За нее сейчас, наверное, можно получить неплохой куш.

Анна пожала плечами.

– Родители развелись, когда мне было десять лет. Папа забрал ее с собой, и я никогда больше ее не видела.

Да и отца тоже, прибавила она про себя.

– Жаль. – Юрист выдохнул сквозь зубы. – Вы наверняка знаете, что Карла-Ю сейчас считают одной из звезд своего поколения, цены на его картины сильно выросли. Одну его

большую работу маслом в этом году продали на “Буковски” почти за четыре миллиона.

Анна слышала звук мотора и снова выглянула в окно. Во двор медленно заезжал пикап. Старая модель, машине лет десять-пятнадцать. Автомобиль остановился у опушки леса, в котором исчезли Мило и Агнес, – из леса все еще доносились крики и собачий лай. Из пикапа выпрыгнул водитель, но он двигался так быстро, что Анна едва успела глянуть на него, как он уже скрылся среди деревьев. Какой-то мужчина в дождевике, резиновых сапогах и кепке.

– Я вам посылал чертеж, так что вы знаете: здесь две спальни, прачечная, кабинет и гостиная на нижнем этаже. Но я решил начать сверху, с зала, где читали проповеди.

Кажется, Просто-Лассе не заметил машины. В передней он открыл одну из дверей; за ней оказалась крутая лестница. Сверху, из зала, падал яркий свет, заливал верхние ступеньки. Юрист махнул рукой, приглашая следовать за ним, но Анна колебалась. С тех пор как исчез Мило, прошло почти десять минут. Надо узнать, куда запропастилась Агнес, особенно теперь, когда объявился чужак. Собака снова залаяла.

– Подождите, – попросила Анна и вышла на крыльцо. Заслонив глаза от солнца, она стала всматриваться в полумрак между деревьями. Различила какое-то движение.

Появилась Агнес. Рядом с ней шагал тот мужчина в дождевике. Мужчина нес Мило под мышкой, но вместо того, чтобы извиваться, как когда кто-нибудь пытался удержать

его, терьер свисал совершенно спокойно. Агнес и мужчина остановились у пикапа, они о чем-то говорили. Разговор, видимо, шел живо. Вскоре Агнес расстегнула висевший у нее через плечо футляр и принялась фотографировать мужчину в плаще и собаку.

– Агнес! – Анна сама не знала, зачем кричит, и пожалела, что не успела сдержаться.

К ее великому удивлению, Агнес помахала ей рукой. Потом сделала еще несколько снимков и вместе с человеком в дождевике зашагала к дому.

Примерно на полпути мужчина выпустил Мило. Вместо того чтоб тут же кинуться в лес, терьер с довольным видом засеменил у левого колена мужчины. Шерсть в грязи, язык свисает из открытой пасти. Взгляд прикован к человеку в плаще. Агнес продолжала фотографировать. Когда троица приблизилась, Анна поняла причину такого интереса. Квадратное обветренное лицо в сочетании с кепкой, плащом и клетчатой фланелевой рубашкой делало из мужчины в плаще шведскую версию постаревшего Ковбоя Мальборо. На вид ему было лет шестьдесят. Худощавый, он двигался легко, как человек, который много времени проводит вне дома. Что-то в его взгляде говорило Анне, что он гораздо старше, чем кажется.

– Клейн, – представился мужчина, когда они подошли к двери. Рукопожатие у него оказалось сухим и крепким, лицо гладко выбрито – так же тщательно, как у ее бабушки, без

малейшей тени.

– Мам, ты посмотри на Мило! – Агнес указала на терьера – тот сидел у левой ноги Клейна, не сводя с него глаз. – Никогда такого не видела.

Анну удивил голос Агнес. Почти... радостный.

– Похоже, вы умеете ладить с собаками, – через силу произнесла Анна. Клейн кивнул. Неестественно застывшее лицо походило на маску.

– Вы, значит, преемница Хенри Морелля, – не столько спросил, сколько констатировал Клейн. Он собирался сказать что-то еще, но Просто-Лассе перебил его.

– Как хорошо, что ты приехал! Я как раз собрался показывать зал для проповедей. – Юрист повернулся к Анне. – Клейн – управляющий у Элисабет Видье. Если вдруг возникнут проблемы или что-нибудь понадобится – звоните ему. До Энглаберги всего километр по большой дороге, так что он быстро приедет. Верно, Клейн?

Клейн что-то согласно буркнул и стал смотреть на лес, пока Просто-Лассе знакомился с Агнес – Анна услышала, как он рассказывает, что у него есть сын ее возраста. Потом юрист повел их обратно в дом.

– Осторожнее, лестница крутая. – Просто-Лассе первым стал подниматься по деревянным ступенькам. Перила с одной стороны были вытерты и блестели, как лакированные. На последнем метре с внутренней стороны угадывались еле заметные овальные пятнышки; Анна не сразу поняла, что это

отпечатки пальцев.

Льющийся сверху свет становился все ярче, и на верхних ступеньках всем четверым пришлось несколько секунд постоять, чтобы дать глазам привыкнуть. Зал с двускатным потолком занимал весь верхний этаж. Три стены, пол, потолок, печные кладки и старые потолочные балки выкрашены в белый цвет, а в противоположной длинной стене громадное сводчатое окно, усиливавшее впечатление чего-то сакрального. Конечно, стекла между рейками переплета не были цветными, но этого и не требовалось.

– Воззри на гору господнюю! – улыбнулся Просто-Лассе и хлопнул в ладоши.

Дом, похоже, уместился на краю скалы – сада не было видно. За окном простиралось небо, виднелись кроны деревьев, а в отдалении тянулись до самой дымки на горизонте леса, поля и деревни в пылающих красках осени.

Анна уже видела этот пейзаж на фотографиях, которые присылал Просто-Лассе, но от открывшейся панорамы у нее все равно захватило дух. Скоро тридцать пять лет с того дня, как она в последний раз прокралась в гостиную, чтобы полюбоваться литографией. Но вот он, этот вид. Она узнала краски, глубину, ощущение покоя. Безопасности.

– Вау, – выдохнула Агнес, доставая фотоаппарат, и Анна не смогла понять, от чего – от интонации дочери, от света или взрыва красок в панораме, что ширилась перед ними, – у нее встал комок в горле.

Мы правильно сделали, что приехали сюда, подумала Анна под энергичное щелканье фотоаппарата. Все будет хорошо. Сколько раз за последние недели она повторила эту мантру! Но теперь она – впервые – почти поверила себе.

– Крыша Сконе, – с довольным видом усмехнулся Просто-Лассе. – В ясную погоду, если взять хороший бинокль, можно увидеть опоры Эресуннского моста. А до него больше семи миль.

Он дал Агнес несколько минут пофотографировать вид из окна и стал показывать зал дальше. Объяснил, что по лесенке, по которой они поднялись сюда, проповедник когда-то спускался в свое жилище. Продемонстрировал старинный хриплый, но не потерявший звука орган справа и парадную лестницу, которая вела вниз, к двери с засовом. Фотоаппарат Агнес впитывал каждую деталь, а Анна изо всех сил старалась удержать в душе чувство безопасности. Внушала себе, что оно пришло, чтобы остаться.

– Как я писал вам, Табор – один из самых привлекательных объектов недвижимости во всем Сконе, – заметил Просто-Лассе. – Элисабет Видье годами получала предложения продать дом, один из “Аббы” особенно настаивал. Но Элисабет всегда отвечала отказом, какие бы деньги ей ни сулили. Верно, Клейн?

Клейн промолчал. Он почти замер возле лестницы.

Просто-Лассе и Агнес прошли к левой торцевой стене, где, наверное, когда-то помещался алтарь, и Анна двинулась

было за ними. Но Клейн остался, где стоял, – ему как будто не хотелось входить в зал. Мило сидел у его левого колена; терьер смотрел на него преданным, восхищенным взглядом – Анна первый раз видела такое. Клейн молчал и почти не шевелился. И все же в его поведении было что-то, от чего в Анне проснулась интуиция легавого. Клейн словно скрывал за своей неподвижной маской какую-то тайну.

– Что это за картина? – послышался от торцевой стены голос Агнес. – Алтарная живопись?

– Нет, это поздняя фреска. Знаешь, кто такой Карл-Ю?

– Карл-Юхан Видье? – Агнес почти обиделась. – Естественно! Мы изучали всех великих. Я учусь в школе с эстетическим уклоном. – Агнес опустила фотоаппарат и метнула на Анну злой взгляд. – То есть *училась* в школе с эстетическим уклоном. – Обиженный голос Агнес прогнал иллюзию покоя и безопасности, и на смену ей пришла обычная тянущая тревога.

– Здорово, – улыбнулся Просто-Лассе, сделав вид, что не заметил ее тона. – Тогда ты знаешь, что в Таборе было ателье Карла-Ю, до тех самых пор, как ему пришлось прекратить писать из-за болезни. На перилах еще видны отпечатки его пальцев. – Он махнул рукой в сторону лестницы.

– Это последняя законченная картина Карла-Ю, – продолжал Просто-Лассе. Фотоаппарат Агнес снова защелкал. – Художник страдал тяжелым заболеванием глаз, от которого в конце концов почти ослеп. Но он отказывался уезжать от-

сюда, пока фреска не закончена, хотя у него ушло на нее почти десять лет.

Анна подошла ближе. Медленно, почти благоговейно. Картина была громадной – метров шесть в ширину, не меньше, и три в высоту, она занимала почти всю короткую стену. Картина представляла озеро, окруженное лесом. Каменные “бараньи лбы” и острые скалы, окруженные осенним лесом на фоне тревожного неба. Краски глухие, вода почти темная. Там и сям виднелись светлые брызги дождя, тревожившие черную поверхность, дождь искажал отражения деревьев и скал, заставлял их подрагивать. По мере приближения к картине эти искажения менялись, отчего вода казалась почти живой. Анна не слишком разбиралась в живописи, но понимала: чтобы добиться такого эффекта, нужно немалое мастерство. Завороженная, она пошла к фреске. И чем ближе подходила, тем сильнее становилась иллюзия движения, и одновременно усиливалась тревога. Анна заставила себя остановиться. Ей не хотелось слышать, что тревога хочет сказать ей.

Негромкий звук заставил ее бросить взгляд через плечо. Клейн вошел в зал и остановился. Он повернулся к стенной росписи, сложив руки, точно в молитве. Челюсти сжаты, глаза темные. Кожа на лбу тонкая, кость проступает отчетливо, как у Хо-кана в его последние недели.

Анна, спаси меня, пожалуйста!

Спаси меня!

Тревога пробила ее панцирь, злым осенним ветром ворвалась в мысли и зашептала ее собственным, Анны, голосом: переезд, новая работа, ее и Агнес новая жизнь – все это одна большая ошибка.

Глава 2

28 августа 1990 года

Бруно и Алекс, как всегда, приехали первыми. Алекс поставил свой черный “форд-эскорт” у шлагбаума, за которым начиналась узкая гравийка, и они несколько минут посидели, открыв боковые окошки и люк в потолке и включив автомагнитолу.

Хотя ночи становились все холоднее, заставляя листву там и сям желтеть, лето в последний раз пошло в атаку. Отвоевало себе еще пару дней, прежде чем капитулировать перед неизбежным. А это, в свою очередь, означало, что пришло время исполнить ежегодный ритуал. Последняя капля лета на их тайном пляже в каменоломне Мёркабю.

Они с Симоном уговорились встретиться в половине третьего у шлагбаума, но знали, что он никогда не приезжает вовремя.

– Вот странно все-таки – живет ближе всех, а все равно опаздывает, – сказал Бруно.

– Ну ты же его знаешь, – проворчал Алекс.

Отец Бруно говаривал: тот, кто опаздывает, не уважает чужое время, поэтому сам Бруно являлся на встречи минут за пять до назначенного, не меньше. Его раздражало, что Симон относится ко времени наплевательски. Остальные трое

в их компании считали опоздания Симона совершенно нормальным делом.

Они сделали музыку погромче. Выбрались из машины, закурили по сигарете и отошли к дереву помочиться. Ни Бруно, ни Алекс не курили всерьез, пачка сигарет в машине принадлежала подружке Алекса Карине, но курение было чем-то вроде ритуала. Совместным делом в последние ленивые деньки. Докурив и затоптав окурки, они без особой охоты принялись перетаскивать рюкзаки и все прочее. От шлагбаума до каменоломни оставалось еще метров пятьсот.

Узкая дорожка круто карабкалась вверх, рюкзаки были тяжелыми, и Бруно успел взмокнуть, прежде чем они доперли вещи до каменного плато с левой стороны каменоломни – там они обычно и разбивали лагерь. Алекс, наоборот, совсем не выглядел перенапрягшимся. Раньше Бруно завидовал Алексу. Гибкому, послушному телу, уверенности в себе, тому, как многие смотрят на него. Со временем Бруно смирился. Он все-таки оставался лучшим другом Алекса, что означало, что некий отсвет ложился и на него. Бруно занимал второе место в их неофициальном рейтинге. Во всяком случае, ему самому так виделось.

Только они поставили первую палатку, как далеко внизу мелькнул оранжевый “крест” Симона.

– Очень вовремя, – буркнул Бруно Алексу. Тот молча пожал плечами.

– Сорри, надо было одному парню позвонить, – пропыхтел

Симон, стаскивая с плеча чехол с гитарой.

– Вечернюю газету прихватил? – кисло спросил Бруно. Его отец всегда так говорил, если кто-нибудь опаздывал хоть на несколько минут. Идиотское выражение, конечно, но ему было жарко, он сердился, а Симон и не думал извиняться.

К сильнейшему раздражению Бруно, Симон пропустил его слова мимо ушей.

– Когда девчонки приедут?

– Карина заканчивает в четыре. – Алекс выглянул из палатки. – Мари заедет за ней, и они сразу сюда. Приедут не позже половины пятого.

– Окей. А как вообще обстоят дела, просто чтобы знать? Вы с Кариной вместе по четным неделям или по нечетным? Никак не могу вычислить...

Алекс в ответ только ухмыльнулся и продемонстрировал Симону средний палец. Бруно тоже попытался пошутить:

– Ну и работа – подтирать задницы старичью. Карине что, нравится?

– Во всяком случае, это настоящая работа. – В голосе Алекса вдруг прозвучало раздражение, чего Бруно совсем не ожидал. Он попытался защититься:

– Да ладно, я сам все лето впахивал как черт.

– В папином ресторане, ага. Это не считается.

– Еще как считается! – Бруно разволновался. Это Симона надо отчитывать, а вовсе не его, Бруно.

– Нет, не считается, – встрял Симон. – Твой начальник –

твой папа, значит, тебя не могут уволить. И он вряд ли заставит тебя вытирать кому-нибудь задницу. Разве что твоему замечательному старшему братцу.

Алекс захохотал и ткнул Симона кулаком в плечо. Бруно почувствовал, как к щекам прилила кровь, и прошипел:

– У меня отец, во всяком случае, не псих какой-нибудь. – Он тут же понял, что зашел слишком далеко, но было уже поздно.

Симон зло глянул на Бруно, но ничего не сказал. Легкий сквозняк поднял полог палатки, потом даже этот звук затих, уступив место гнетущему молчанию.

– Ну-ну, девочки, мы вроде уже выросли из игры “а мой папа...”? – Алекс попытался разрядить атмосферу. – Я думал, детский сад давно позади? Вы же знаете, в этой игре всегда побеждаю я, потому что Хенри больше и сильнее ваших папаш-слабаков. К тому же у него есть пистолет, так что. – прибавил он ребячливым голосом и бросил каждому по банке пива из сумки-холодильника. – Вот, пейте! Мир, да?

Зашипели банки, и все с облегчением выдохнули.

– Сорри, я перегнул. – буркнул Бруно Симону.

– Да ничего. Я первый начал. Тем более что Алекс прав. – Симон взмахнул банкой.

– Просто Хенри противнее всех наших отцов вместе взятых. Посмотри только на дикаря, которого он воспитал. Шея, как у быка, руки – как у гориллы. Еще чуть-чуть – и его уши можно будет варить вместо пельменей.

Симон и Бруно обменялись ухмылками.

– Да идите вы оба! – Алекс допил пиво и демонстративно рыгнул, после чего поднялся и смял банку одной рукой.

– Значит, так. Сейчас приносим остальные вещи из машины и быстренько ставим палатку Симона. Тогда успеем окунуться до того, как девчонки приедут.

Ребята едва успели натянуть плавки, как внизу показались Карина и Мари, с рюкзаками и пластиковыми пакетами. Алекс поставил свой бумбокс на краю плато, и над каменоломней загремели “Деф Леппард”.

Бруно и Симон быстро оделись, убавили музыку и слезли со лба, чтобы пойти навстречу девочкам. Кажется, оба обрадовались, что прыгать в воду не придется. Каменоломня была в глубину не меньше, чем в ширину, озерцо маленькое, и вода в нем никогда не прогревалась как следует. Однако Алекса мысль о холодной воде, кажется, не беспокоила. Он босиком потрусил по тропинке к дальнему краю каменоломни. А потом принялся ловко взбираться по крутой скале.

Когда Бруно и Симон помогли девочкам донести вещи до плато, Алекс уже стоял на верхнем уступе и ждал. Внизу темнела неподвижная водная поверхность, семь на одиннадцать метров, скалу освещало полуденное солнце, заливая золотом загорелое мускулистое тело Алекса.

Бруно, Симон и девочки остановились на краю плато. Никто из них еще не прыгал с самого высокого уступа, даже и

с уступов ниже не прыгал, но они знали, что в полуметре под поверхностью воды, прямо у скалы, есть каменные выступы. Как все, кто хоть раз купался в каменоломне, они и слышали, и пересказывали истории о людях, которые ломали руки и ноги, неудачно прыгнув с уступов ниже. И понимали: если прыгать с самой высокой точки, куда забрался сейчас Алекс, достаточно малейшей ошибки, чтобы разбиться насмерть.

– Ну, прыгай! – крикнула Мари. Алекс не двинулся с места. Видно было, что он пытается растянуть момент.

– Давай, Алекс, прыгай! – присоединился Бруно.

Карина демонстративно отвернулась, присела на корточки и стала рыться в рюкзаке в поисках сигарет. Однако она невольно поглядывала на Алекса, стоящего на уступе.

– Прыгай, прыгай... – завел Бруно, еще двое присоединились, но потом Карина замолчала, выпрямилась и осталась стоять, щитком приставив к глазам ладонь.

Кажется, именно этого движения Алекс и ждал. Он сделал глубокий вдох, задержал воздух и вытянул руки перед собой. Несколько секунд покачался на пальцах и с силой бросил тело вперед. На вершине дуги сложился, как перочинный нож. За миг до того, как пальцы коснулись воды, он распрямился и, вытянувшись в струну, вошел в воду. Прыжок был почти безупречным, с глухим невысоким всплеском, который тут же сменился темными кругами. Круги стали медленно расходиться к темным краям каменоломни.

Четверо друзей замерли, не отрывая глаз от воды. Алекс все не показывался. Круги еще плеснули, и поверхность стала неподвижной. У Бруно свело желудок.

– Думаете, он?.. – Мари не закончила. Она тревожноглянула на Симона, потом на Бруно. Карина опасливо сделала к краю один шаг, потом другой.

– Алекс! – крикнула она в каменоломню. – Милый!..

В ту же секунду черная поверхность взорвалась, и показалась голова Алекса. Он шумно втянул воздух, вскинул руки, и победный рев заметался между стенами каменоломни. Карина повернулась к Мари и сердито кивнула на воду.

– Что я говорила? Детсадовец, придурок!

Бруно понимал, что значит этот комментарий. Он уже раз сто слышал, как Алекс с Кариной ссорятся. И знал, что ссоры – обязательная часть их отношений. Но в то лето он расслышал в голосе Карины интонацию, которой раньше не было.

И эта интонация тревожила его.

Глава 3

Осень 2017 года

– The last one⁹. – Поляк, представившийся Павлом и, похоже, бывший у грузчиков за главного, сложил последнюю картонную коробку.

– Are you sure I can't offer you something?¹⁰ – нарочито медленно спросила Анна. Когда она говорила на неродном языке, то заикалась чаще.

Грузчик взмахнул руками, помотал головой:

– No thank you. Mister Klein told us go back when finish¹¹.

– Okay. Thank you so much then¹².

Павел махнул своим коллегам, и все четверо набились в грузовичок с польскими номерами. Анна стояла на крыльце, глядя, как габаритные огни машины исчезают в лесу.

– Вот это сервис, – сказала у нее за спиной Агнес. Голос прозвучал неожиданно бодро, хотя и не без иронии – главного оборонительного оружия дочери.

– Да, неплохо. – Анна взглянула на часы. – Мебель и ковры на месте, все коробки и перевезены и распакованы еще

---

⁹ Последний (*англ.*).

¹⁰ Вы точно ничего не хотите? (*англ.*).

¹¹ Нет, спасибо. Мистер Клейн сказать вернуться, когда закончить (*англ.*).

¹² Хорошо. Тогда спасибо (*англ.*).

до обеда. Да еще в субботу.

Когда Просто-Лассе вчера после обеда передал ей ключи, они встретили фургон для переездов, и им без долгих разговоров внесли кровати и все необходимое. Автомобиль уехал, они поужинали в окружении не распакованных коробок и мебели, а потом Агнес закрылась у себя с ноутбуком и Мило и не высовывала нос, пока утром поляки Клейна не постучали в дверь. И хотя ее разбудили, Агнес помогала распаковывать коробки без жалоб и недовольного бурчания. Кажется, ей почти хотелось поговорить. Может быть, Анна выдавала желаемое за действительное, но после первой ночи в Таборе ей показалось, что отношения с дочерью немного улучшились. Старый дом словно оказывал успокаивающее действие.

– Они еще и собрали все эти штуки из “Икеи”, – прибавила Агнес. – И лишних винтиков не осталось, как когда папа... – Она не договорила и отвернулась. Улыбка погасла. Мина-ловушка, которую никто из них не ставил, смерть Хокана, то и дело вторгалась в разговоры.

– Проголодалась? – Анна постаралась, чтобы голос прозвучал весело. – Хочу выскочить в магазин. – Она подождала ответа. Агнес молча ушла к себе и закрыла дверь.

Анна остановила машину при выезде на большую дорогу. Если поехать налево, то минут через двадцать пять будет большой перекресток, можно добраться до супермаркета “ИКА” в центре Неданоса. Если направо, то, по утверждению

ям Просто-Лассе, минут через пятнадцать на вершине гряды будет поселок Мёркабю, а там, он говорил, есть сельмаг. Само слово звучало так ярко и завлекательно, что Анна решила поддаться жажде приключений и повернула направо.

Ночью прошел дождь, и асфальт был темным, а вокруг деревьев висела серая вуаль сырого осеннего тумана. Неширокое шоссе мягко петляло, примерно через километр лес расступился, и по обе стороны дороги открылось широкое поле; в тумане неясно угадывалась лесная опушка.

Далеко справа показалась длинная ивовая аллея, в конце которой просматривались контуры какого-то строения. Анна проехала указатель с надписью “Энглаберга”. Вот, значит, где живет их домовладелица. И, видимо, ее управляющий Клейн, которого она так и не раскусила. Клейн казался ей резким, почти враждебно настроенным. Но почему?

Несколько минут Анна ехала по равнине, заметила еще несколько усадеб, поменьше, а потом въехала в густой лиственный лес. Узкая асфальтовая дорога шла то в гору, то вбок, тут и там из тумана почти без предупреждения появлялась съезды. Большинство представляли собой двухколесную колею с зеленой полоской посередине. Дорожки, туман и резкие повороты заставляли Анну соблюдать осторожность. Несколько раз ее обгоняли местные, ехавшие с немалым превышением скорости – кажется, плохая видимость им была нипочем. Последний даже раздраженно посигналил, проезжая мимо.

Действительно, почти через пятнадцать минут после съезда с дороги Анна увидела в тумане белую колокольню. Вскоре после этого показались несколько домов и дорожный щит, извещавший, во-первых, что Анна въехала в Мёркабю, а во-вторых, что перед ней самая высоко расположенная церковь Сконе.

Сам поселок оказался собранием домов, сгрудившихся вокруг Т-образного перекрестка. Перед одним лежал неровный асфальт, стояли две доски объявлений, а на витрине виднелась наклейка с изображением мороженщика. Совсем не похоже на сельмаг, который Анна себе вообразила. *А ты чего ждала?* – усмехнулся Хокан. – *Бюллербю?*

Дверь магазина была закрыта; написанное от руки объявление предлагало в случае необходимости позвонить в звонок. Через несколько минут появилась немолодая женщина в кофте с катышками, на которой красовался логотип предприятия.

– День добрый! – Впуская Анну, женщина широко улыбнулась.

Магазинчик оказался немногим больше гостиной в Таборе. Старая витрина-холодильник, пара полок с бакалеей, сигареты, газетная стойка. Пахло виниловым покрытием.

– Ищете что-то конкретное? – спросила женщина. Очки она сдвинула на лоб, они запутались в волосах, отчего прическа слегка съехала вправо. Женщина потянула акрилово-блестящие локоны в противоположную сторону, чтобы

выровнять парик.

– Так, что-нибудь к обеду.

– Есть свежие яйца. Только что из курятника. – Женщина снова поправила парик и на этот раз осталась довольна.

– У меня дочь веганка, – пробормотала Анна. Объяснить, что это такое? Какими ограничениями обставлен каждый прием пищи, не говоря уже о вечных спорах?

– Свежая свекла подойдет? – спросила женщина. – Если запечь в духовке и подать с голубым сыром, будет вкусно. Ой нет, сказала тоже. Веганы ведь не едят сыр? Вообще никаких продуктов животного происхождения.

– Верно. – Анна удивленно покачала головой.

– У меня внук веган, – поделилась носительница парика и подмигнула Анне. – Подыщем что-нибудь, вот увидите.

Минут через десять они набрали гору корнеплодов и овощей, в основном выращенных неподалеку. А еще – свежие яйца и кусок соблазнительно пахнущего бекона.

– Меня зовут Гуннель, – представилась женщина в парике. – Это же вы снимаете дом у Энглаберги. Табор?

Анна кивнула:

– Откуда вы знаете?

– Мы тут редко видим новые лица. И почти никогда не слышим стокгольмского говора. – Гуннель с любопытством взглянула на Анну. – Вы служите в полиции, да?

Анна снова кивнула, поражаясь, как далеко залетает сорока, разносящая на хвосте разные сведения. Вопрос со служ-

бой и переездом в Неданос решил всего какой-нибудь месяц назад.

– Да, мы тут слегка удивились, когда слышали, что Элисабет Видье надумала сдавать Табор. Да еще человеку из полиции, – продолжала женщина, складывая покупки Анны в пакет. – Табор для нее – это святое, а полицейских она, скажем так, не особо жалует.

– Почему?

Старушка выпрямилась, улыбка ее застыла.

– Хм, а я думала, вы знаете. Никто не рассказывал?

– Нет. – Анна нахмурилась. – Что именно не рассказывал?

– Про Симона. Мальчишку Элисабет и Карла-Юхана. Который убился тут, в старой каменоломне. – Гуннель махнула куда-то в сторону дороги. – Уже лет тридцать тому. Кошмарная история.

– Вот как. – Анне стало любопытно. – Нет, я ничего такого не знаю.

Женщина грустно покачала головой.

– Бедняга Симон. Такой был чудесный парень, такой талантливый. Пел и играл, как ангел. Девятнадцать лет, вот-вот должен был выйти в мир.

– Какая трагедия. – Анна тоже сделала скорбное лицо. – А что с ним произошло?

– Их компания там, в каменоломне, лагерь устраивала. В самом начале осени девяностого это случилось. До сих пор все помню, будто вчера.

Женщина понизила голос.

— Мы с Оке проснулись оттого, что кто-то колотил в дверь. Времени было почти пять утра. Прибежал Бруно, сын хозяина здешнего ресторана. Весь белый как простыня. Спросил, можно ли позвонить. Сказал, что произошел несчастный случай.

Гуннель покачала головой, скривив губы, словно последние два слова причиняли ей неудобство. Она уже перегнулась было через прилавок, желая сказать что-то еще, но дверь магазина открылась, и вошел мужчина во флисовой кофте и рабочих штанах.

— Привет, Гуннель. — Мужчина привычным шагом направился к витринке со снюсом, притаившейся в углу. По дороге он с любопытством глянул на Анну.

Гуннель выпрямилась и провела руками по кофте в карманах, словно пытаясь стереть что-то неприятное.

— Еще что-нибудь, Анна? — спросила она чуть громче, чем нужно.

Вернувшись в Табор, Анна занялась приготовлением обеда. Агнес с угрюмым видом накрывала на стол. Когда молчание стало совсем уж невыносимым, Анна решила рассказать о встрече в магазине. В красках расписала, как удивилась, что Гуннель в курсе веганского питания, однако ожидаемой реакции не получила. Не успев подумать как следует, Анна пустилась пересказывать весь разговор, от перекосившегося

парика до нелепой гибели Симона Видье.

– Как думаешь, может, фреска в зале изображает каменоломню? – Агнес взглянула на мать, в голосе неожиданно прозвучал интерес.

– Не знаю. – Анна постаралась не показать, как ее обрадовало, что они о чем-то говорят. О чем угодно, лишь бы не о Хокане и не о переезде. Твердая почва, без мин-ловушек. – Но если хочешь, можем узнать. Гуннель говорила, это близко.

– Я посмотрю гугл-карту. Но лучше, наверное, подождать до завтра, будет не так туманно. Я пофотографирую, и мы сможем сравнить с картиной.

– Конечно!

Агнес поднялась, помогла Анне убрать со стола, помыла форму для выпечки – даже просить не пришлось.

Мило с озадаченным видом вертелся у Агнес под ногами и явно не знал, как себя вести, словно перемена атмосферы сбила его с толку. Он запрыгнул на кухонный диванчик, поставил лапы на подоконник. Тихо заворчал, будто заметил что-то в саду. Анна выглянула в окно, но увидела только обширный сад с двориком, подъездную дорожку и туман, который слоями стелился среди деревьев.

– Дурень, – буркнула она. В ответ Мило обиженно взглянул на нее.

Когда с посудой было покончено, Агнес скрылась в зале

для проповедей – Анна слышала, что дочь потащила с собой оборудование. Тренога для фотоаппарата, вывернутый зонтик, вспышка, экраны, чехлы с линзами. Все это влетело черт знает в какую сумму, Анна помнила, как они с Хоканом ругались из-за этого.

Ты покупаешь ее любовь, понимаешь ты или нет? Ставишь меня в дурацкое положение. И вообще, с каких пор ты можешь позволить себе такие траты?

Теперь все это казалось такой ерундой.

Анна тоже стала подниматься по лестнице. На миг остановилась, словно ожидая, что Агнес потребует оставить ее в покое. Этого не произошло, и Анна медленно подошла к огромному церковному окну. От вида все еще было трудно оторваться, хотя по сравнению с вчерашним он сильно изменился. Туман пеленой лежал над деревьями, макушки проступали серыми силуэтами. Вдали неясно светилась полоска красных огней, и Анна не сразу поняла, что это габаритные огни ветряных мельниц на равнине. Доисторические звери из железа, они ритмично подмигивали друг другу.

Агнес с фотоаппаратом пристроилась перед росписью.

– Мама, принеси, пожалуйста, другой штатив для лампы.

Анна постаралась не показать, как обрадовалась, что Агнес подключила ее к работе.

По шажочку, подумала она. Попыталась расслышать, что скажет Хокан, но сейчас он молчал. Хороший знак. И все же ей будет не хватать его голоса.

Анна протянула Агнес штатив и стала смотреть, как дочь сноровисто управляет с оборудованием. Перевела взгляд на фреску. Темное небо, скалы, задумчивый лес. Осенний дождь нарушает гладь воды, искажает отражения.

– Красиво, да? – сказала Агнес. – Краски, настроение, дождь. Мне все кажется, что вода скрывает какую-то тайну. И там, в глубине, что-то есть. Интересно, существует ли еще каменоломня. И как она выглядит на самом деле.

– М-м. – Анна склонила голову набок, изучая неверные контуры на темной поверхности.

– Я погуглила картины Карла-Ю, – продолжала Агнес. – И ничего похожего на эту не нашла, так что ее, кажется, никто еще не фотографировал. Наверное, я буду первой. Вот и снимки для моего портфолио. – Она снова принялась ставить свет. Быстрые, ловкие движения. Чувство, возникшее за столом, согрело Анну изнутри. Все у нас устроится, подумала она. Все будет хорошо. Хокан снова промолчал.

После обеда они вышли прогуляться с Мило. Пересекли дворик и свернули направо, к лесу – тропинка начиналась почти у сарая. Земля была завалена опавшими листьями. Мягкий оранжевый ковер, прикрытый слоями тумана, приглушал и звук шагов, и даже возбужденный лай Мило – пес носился между деревьями, гонялся за запахами и впечатлениями, понятными только собакам.

Агнес, конечно, взяла с собой фотоаппарат. Она снимала

Мило, деревья, оранжевую листву над головой. Каждые три минуты ей приходилось останавливаться, чтобы протереть линзу – накрапывал мелкий, еле заметный дождь.

Тропинка вывела их к неглубокому ручью. Мило припал к холодной воде, после чего бодро потрусил вниз по течению. Агнес пошла за ним по берегу, фотоаппарат щелкал, как заведенный.

– Мило, смотри сюда! Мило!

Анна оступилась, угодила ногой в лужу стоячей воды на берегу, чуть не до смерти перепугав лягушку. Передернулась и решила купить резиновые сапоги.

– Как думаешь, куда течет ручей?

Агнес раскраснелась, взгляд стал живым. Анна что угодно дала бы, лишь бы каждый день видеть дочь такой.

– Вниз по склону, конечно. – Анна указала на туман, висевший над местом, где, по ее предположению, был склон. – Где-то там река.

– Или же он течет к той самой каменоломне.

– Может быть. Ты не смотрела гугл-карты?

Агнес покачала головой.

– На карте нет никаких каменоломен.

– Странно, да?

– Наверное. – Агнес задумалась. – Может, пройдем вдоль ручья, посмотрим, куда он течет?

Анна покосилась на свой ботинок. Носок промок насквозь, даже штанина пропиталась водой. Но Агнес говори-

ла с ней, проявила интерес еще к чему-то, кроме телефона и собаки. К тому же Anne самой стала интересна эта загадочная каменоломня.

– Да, можно и пройтись.

Ручеек петлял между деревьями, становясь все шире и громче по мере того, как в него вливались другие ручьи, поменьше. Агнес и Мило были заняты своими делами, Анна каждые двести метров останавливалась, чтобы сориентироваться и сообразить, не слишком ли они близко к обрыву. Она не видела его из-за тумана, но знала, что он где-то там. Несмотря на туман, Anne казалось, что она неплохо отслеживает направление. Неданос располагался у подножия гряды, на северо-западе. От окраины поселка до их дома было чуть больше мили; сейчас они шли вдоль гряды и уходили от Неданоса, что означало – они движутся на юго-восток. Анна пыталась ориентироваться по природным приметам, как учил ее Хокан. Мох и лишайники с северной стороны стволов, больше опущенных веток – с южной. Анна знала, что муравейники почти всегда с южной стороны дерева, но муравейников здесь не было, и вскоре Анна поняла почему. В этом лесу не росли хвойные деревья – только высокие лиственные, с похожими на зелено-серые колонны стволами. И росли они слишком близко друг к другу, да еще и терялись в слоях тумана. Мрачная, почти призрачная картина.

Они найдут тебя, зашептал Хокан без предупреждения. Даже здесь ты не в безопасности. Ты должна рассказать

ей. Ты обещала мне, что расскажешь.

Анна передернула плечами, прогоняя и чувство, и голос; вскоре она вернула себе радость от того, что у них с Агнес появилось одно дело на двоих.

Они шли по тропинке вдоль ручья. Вот ложе опустилось глубже в мягкую почву, один берег круто поднялся. Анна покосилась на часы. Начало шестого, до сумерек еще не меньше часа, и все же ей казалось, что света убавилось. Склон мягко спускался, но ни скал, ни изменений в пейзаже, похожих на те, что на фреске, пока не было видно. Анна уже хотела предложить Агнес вернуться, как вдруг Мило зашелся возбужденным лаем.

Пес обнаружил на берегу большую нору, и, прежде чем они успели остановить Мило, он уже наполовину вошел в дыру. Теперь лай продолжался из норы, еще более пронзительный, несмотря на приглушавшую его землю.

– Мило, ко мне! – крикнула Агнес, но собака не обратила на нее ни малейшего внимания. Задние лапы с ожесточением поскребли крутой берег, и вдруг собака исчезла в дыре полностью. Теперь Мило лаял еще громче. Лай смешивался с каким-то звуком, идущим из норы. Ворчание, переходящее в громкое фыркание, издавала явно не маленькая собачка.

– Мило! – опять крикнула Агнес. Она хотела подобраться к норе, но потеряла равновесие и полетела вниз. Склон оказался таким крутым, что Агнес скатилась прямо в ручей и приземлилась на колени. – Твою мать!

Мило продолжал надрыться. Громко, бешено. Словно он испугался, разозлился и возбужден одновременно. Анна кое-как спустилась по круче. Протянула руку Агнес, помогла дочери подняться на ноги – и вдруг краем глаза уловила шевеление. Какой-то зеленый силуэт перемахнул через ручей и ринулся к норе. Высокий бородач в камуфляже. Его появление было столь стремительным, что и Анну, и Агнес словно громом поразило. Бородач, вытянув руки вперед, нырнул в нору и, отталкиваясь ногами, влез туда почти до пояса. По спине у него сыпались песок и камешки. Звук в норе продолжался еще несколько секунд, и вдруг мужчина вылез. В бороду набилась земля. Бородач вытащил за заднюю лапу яростно извивавшегося, свирепо лаявшего Мило, бросил собаку на землю и словно из ниоткуда извлек черный револьвер. Мило ощерился и цапнул бородастого за ногу. Анна инстинктивно толкнула Агнес себе за спину.

– Нет! – крикнула Агнес, но бородастый не стал наставлять оружие на них или на собаку. Он снова полез в нору. Оттуда снова донеслось фыркание, потом громкий хлопок. Все стихло.

Упираясь коленями и извиваясь, мужчина вылез из норы. В одной руке он держал револьвер, в другой – какой-то большой серый мешок. Бородач сунул револьвер под куртку и перехватил мешок обеими руками. Лапы, когти, черно-белая треугольная голова. Клыки оскалены в смертной гримасе.

– Барсук, – пояснил бородастый с ядреным местным акцен-

том, отряхиваясь от земли. – Обозлится – собаку насмерть заест.

Он снял с ремня складной нож с широким лезвием и, отыскав на крутом берегу плоскую поверхность, принялся сноровисто потрошить животное. Хокан показывал Анне, как надо свежевать зверя, даже как-то заставил попробовать на зайце. Но бородатый играл в высшей лиге. В считанные минуты он вывалил барсучьи кишки на землю – и почти не испачкал руки в крови. Пальцы у него были на удивление короткие, ногти наполовину обгрызены.

Агнес присела и взяла Мило на поводок – чтобы не рвался поучаствовать в разделке; сама она, как и пес, замороженно наблюдала за движениями бородатого. Анна уже успела прийти в себя. Какой-то миг ей казалось, что бородач в камуфляже и правда направит револьвер на них.

– Храбрец.

Бородатый указал на Мило, другой рукой стирая пот со лба. Курчавые волосы и борода, плоский нос и широко посаженные глаза придавали ему вид персонажа из фильма про Гарри Поттера. Впечатление, что перед Анной и Агнес сказочный герой, усиливалось местным говором: мужчину едва можно было понять.

– Не всякая псина полезет в барсукову нору. – Мужчина указал ножом через плечо, в туман. – Меня зовут Матс Андерсон, я живу в Энглаберге. – Он тщательно вытер нож о штаны и убрал его.

– М-м, здравствуйте, Матс. Меня зовут Анна Веспер, а это – Агнес и Мило. Мы живем... – Анна запнулась. Как сказать – “живем в Таборе” или “в усадьбе Табор”?

– В Таборе, – сказал бородатый, разрешив ее сомнения. – Да, я знаю. Вы вчера въехали. Сняли дом у тети. Элисабет Видье из Энглаберги. Мой отец – Бенгт Андерсон.

Бородатый произнес это имя так, словно ждал, что Анна его знает. Но имя “Андерсон” ни о чем ей не говорило.

– Какой породы? Сконский терьер? – Матс повернулся к Агнес и Мило.

– Помесь джек-рассела и фокстерьера.

– По мне, на сконского терьера похож.

Матс потянулся к Мило, который сидел у Агнес между колен. Пес поднял верхнюю губу и оскалился, но Матса это не испугало, и через минуту в Мило победило любопытство. Он обнюхал руку Матса и принялся лизать ее.

– Кровью пахнет. Ни одна хорошая охотничья собака не устоит. – Матс почесал Мило под подбородком. Собака увлеченно лизала ему запястье.

– Можно вас сфотографировать? – Агнес приподняла фотоаппарат, висевший у нее на шее.

– Это зачем? – В голосе Матса прозвучала настороженность, словно он подозревал, что Агнес его разыгрывает.

– Просто люблю фотографировать. Хочу стать фотографом. К тому же вы спасли мою собаку. – Агнес выдавала улыбку, которая всегда действовала на Хокана. На Матса тоже по-

действовала.

– Ну, раз так...

Здоровяк зарделся и стал вдруг похож не на мужчину под сорок, а на стеснительного подростка. Несмотря на камуфляж, дремучую бороду, тяжелый револьвер и нож, в нем было что-то детское.

Камуфляжный Матс послушно сфотографировался рядом с барсуком. Он даже приподнял губу своей добыче, чтобы продемонстрировать мощные клыки.

– Кости перекусывают, – говорил он Агнес, пока та щелкала фотоаппаратом. – Раньше говорили: идешь на барсука – насыпь яичную скорлупу в сапоги. На случай, если вцепится. Считалось, что барсук услышит хруст – и отпустит. Ерунда несусветная. – Бородач усмехнулся, а следом за ним и Агнес.

– А барсуков едят? – спросила Анна.

Матс повернулся к ней с удивленным видом, словно успел забыть про нее. Улыбнулся этому явно глупому вопросу.

– Какое там едят. У них трихинеллез бывает. Я варю мясо для сестриних собак. Барсуки осенью жирные. Собаки наедаются.

Он снова повернулся к Агнес.

– А шкуры продаю. Но это здоровый боров, такого я лучше сделаю как следует.

– Сделаете как следует? – Агнес, кажется, заинтересовалась по-настоящему.

– Набью чучело. У меня в Энглаберге целая коллекция.

Заходите как-нибудь посмотреть. Пофотографируете, если захотите.

– С удовольствием.

Анна взглянула на часы

– Нам пора домой. Скоро начнет темнеть.

Агнес закатила глаза, но вслух, против обыкновения, протестовать не стала.

– Кстати, а вы не знаете, где здесь каменоломня? – спросила она все тем же радостно-приветливым голосом. Матс помрачнел.

– Не здесь, – глухо буркнул он. – В лесу по ту сторону Энглаберги. Но вы туда не ходите.

– Почему?

– Паскудное место. – Матс покачал головой. – Опасное. – Он замолк. Похоже, высказался до конца.

– Ладно, спасибо, что предупредили!

Они распрощались и зашагали по тропинке. Матс так и стоял над мертвым барсуком – по сапогу у каждого бока. Когда Агнес обернулась, он поднял руку и помахал.

Глава 4

28 августа 1990 года

Все пятеро улеглись на полотенцах на краю плато, куда еще дотягивались лучи предвечернего солнца. Бруно ото-двинулся, Алекс неохотно позволил Мари сменить музыку в бумбоксе, и из магнитофона полилась смесь хитов: Аланна Майлз, Мадонна, Шер.

– Отстой, – буркнул Алекс Бруно, но на этот раз обычной поддержки не получил. Бруно предпочитал не попадать под перекрестный огонь между Алексом и Мари. Алекс перевернулся на живот, закрыл глаза и через пару минут уже похрапывал.

Девчонки сняли футболки и теперь загорали в одних купальных лифчиках и в шортах. Карина намазалась чем-то с кокосовым запахом, ее загорелая кожа заблестела. Мари была не такой фигуристой и значительно бледнее Карины. Там и сям у нее на коже виднелись печеночные пятна, которых, как Бруно было известно, она немного стеснялась. Его эти пятнышки не смущали. В его глазах они придавали ей индивидуальности. Карина перевернулась на живот и подставила солнцу спину. Распустила узел, и лифчик остался лежать под ней на полотенце. Округлости груди были отчетливо видны со стороны, особенно когда Карина приподнимала голову,

чтобы что-то сказать. Бруно старался не смотреть в ее сторону – нелегкая задача. Карина красивая, и в округе нет парня, который не знал бы, кто она такая. Но она девушка Алекса и была ею еще со средней школы. А может, и того дольше.

Симон оказался вовсе не таким щепетильным. Бруно видел, как он время от времени поглядывает на стати Карины, как будто ему совершенно наплевать, что кто-то заметит. Это почему-то задевало Бруно.

Он слышал, как девочки в автобусе шепчутся про Симона. Не насмешливо, как в начальной школе, когда Симон был помешанным на музыке глистом, а по-новому. И это “по-новому” Бруно не очень-то нравилось. Он перевернулся на живот и попробовал прогнать раздражение, но безуспешно.

Мари вскоре заметила, что Симон посматривает в их сторону. Она пихнула Карину в бок и со значением кивнула на него. Карина чуть сдвинула солнечные очки, взглянула на Мари и шепнула:

– Ого.

Она оперлась на локти и приподнялась, отчего груди стали видны почти полностью.

– Симон, – подчеркнуто кротко произнесла она и сдвинула очки на кончик носа, – не принесешь нам с Мари попить?

– Сейчас! – Симон неуклюже поднялся на ноги, но Бруно был уже на полпути к сумке-холодильнику.

– Я принесу, – резко сказал он и зло глянул на Симона. Хорошо бы он все понял и никуда не лез.

– Вот спасибо! – Карина снова улеглась.

Бруно наклонился над сумкой-холодильником, которую они поставили в тени за палаткой. Со стороны поворота доносился слабый шум; заглянув через край плато, Бруно увидел полицейскую машину – она как раз повернула и остановилась внизу, возле велосипеда Симона. Боковое окошко со стороны пассажира поехало вниз, и из машины выглянул рослый мужчина с резкими чертами лица. Бруно помахал ему и тут же крикнул:

– Алекс!

– Что? – буркнул Алекс, не поднимая головы.

– Твой папа приехал.

Алекс вздохнул и сел.

– Естественно, приехал. Я сдуру спросил у Хенри, можно ли взять ключ от шлагбаума. Он мне целую лекцию прочитал, почему сюда нельзя соваться. Что проход наверх запрещен, что на скалах опасно и все такое. А как ему самому подняться сюда надзирать за нами – это, значит, без проблем.

– Какое счастье, что у тебя есть отец, который о нас заботится, – проворчала Карина.

– Мы же не малышня сопливая. Ну что с нами может случиться? – Алекс подошел к краю плато, встал рядом с Бруно и сердито помахал в сторону машины. – До скорого, Хенри, – сказал он так, чтобы его слышали только четверо друзей. – Все в порядке, можешь уезжать.

Приехавший помахал ему в ответ из окна машины.

– Как вы тут, не шалите? – спросил он. От грубого голоса между скал прокатилось негромкое эхо.

– Нет. – Алекс даже не пытался скрыть раздражения.

– Вся банда в сборе?

– Ага!

Хенри Морелль сидел, никак не выражая желания уехать. Алекс не сразу понял, зачем явился отец.

– Вот теперь-то уж точно вали отсюда, – пробормотал он и повернулся к трем друзьям, которые так и лежали на полотенцах.

– Встаньте и помашите, – сказал он. Никто не успел рта открыть, как он вскинул руку, пресекая протесты. – Знаю, знаю, но это единственный способ спровадить его. Иначе он и сюда полезет.

Карина, Мари и Симон поднялись и подошли к краю плато.

– Здравсте, дядя Хенри! – преувеличенно радостно крикнула Мари; остальные просто в меру воодушевленно помахали.

Хенри Морелль помахал в ответ и что-то сказал водителю. Машина медленно покатила по узкому проселку, мигнула синим и скрылась за деревьями.

– Сорри, – сказал Алекс. – Вы же его знаете.

– Да ладно. – Симон хлопнул Алекса по спине. – Хенри заглянул проверить, как там его золотой мальчик. Традиция. Он за тобой лет до пятидесяти присматривать будет.

Алекс что-то неразборчиво пробормотал, взял пиво и вернулся на свое полотенце. Симон сменил кассету в магнитофоне.

– Опять Тото?! – простонала Мари, когда зазвучала музыка. – А моя чем была плоха?

– Майкл Болтон. – Симон закатил глаза. – Еще объяснения нужны?

– Да. С Болтоном что не так? – Мари взглянула на Карину в поисках поддержки. Но Карина улеглась, демонстрируя полную незаинтересованность в дискуссии.

– Да, что не так с Болтоном? – ухмыльнулся Симон.

– Слушай, Симон, ты иногда такая задница. Да, ты у нас музыкант-вундеркинд, но это, блин, не делает тебя полицией вкусов, – прошипела Мари. Симон сел рядом с ней и игриво положил руку ей на спину:

– Ты же меня простишь?

Мари сбросила его руку, но он не унялся. И не сдавался, пока Мари не рассмеялась.

– Ну ты и задница! – повторила она, на сей раз дружелюбнее.

Бруно взял из сумки-холодильника две банки пива и банку кока-колы и вернулся к девушкам. Вручая банку с кока-колой Мари, он улыбнулся, однако желаемого ответа не получил – Мари как раз препиралась с Симоном. Сидя на полотенце и открывая пиво, Бруно обнаружил, что Симон продолжает поглядывать на Карину и ему, похоже, на всех

наплевать.

Кто-то должен поставить эту сволочь на место, подумал Бруно. Отпил из банки и криво улыбнулся сам себе, повертел в голове эту неприятную мысль.

Поставить Симона Видье на место.

Глава 5

Осень 2017 года

Утром Анна вскочила в половине шестого. Она долго принимала душ в ванной с новеньким кафелем, потом надела полицейскую форму. Брюки, свежевыглаженная рубашка, синий свитер с желтыми знаками отличия на плечах – обычно в такое одеваются только офисные служащие. Она уже много лет не носила форму – в угрозыске лена все одевались в гражданское.

Подводя утром понедельника итоги выходных, Анна все же обнаружила маленький плюс. Погода снова испортилась, и Агнес больше не рвалась искать каменоломню. Дочь почти весь день просидела у себя в компании “Нетфликса”, а сама Анна переделала несколько дел. Какая-то ее часть надеялась, что Агнес наскучит история Симона и дочь рассудит, что трагическая гибель незнакомого парня на несколько лет старше ее самой, сына человека, в чьем ателье они теперь живут, – дело, в котором копаться не стоит. С другой стороны, Анна уже тосковала по тому единению, что появилось у них в субботу. На два коротких часа все стало почти... нормально.

Когда волосы просохли, Анна стянула их в тугий хвост, слегка подкрасилась, поправила узел галстука. Оглядела ре-

зультат в зеркале и обнаружила у глаза морщинку, которой раньше не замечала. Может, запудрить? Анна решила оставить, как есть. Все-таки ей скоро сорок шесть, и не хочется в первый же день появляться на новой работе излишне накрашенной.

– Пора вставать. – Она постучала в дверь Агнес. Мило, разумеется, лежал в кровати, хотя ему это не разрешалось. Анна сунула голову в дверь, и собака нагло глянула на нее. Приподняла губу, запрещая Анне приближаться к Агнес.

– Хорошо спалось? – спросила Анна, пока Агнес влезала в куртку, чтобы выгулять собаку. В ответ дочь что-то неразборчиво буркнула. Кажется, хорошее настроение выходных испарилось.

– Когда у тебя поезд?

– В половине восьмого.

– Хорошо. Тогда отсюда нам надо выехать без десяти семь, не позже.

Входная дверь хлопнула у нее прямо перед носом. Анна сделала глубокий вдох, чтобы не поддаться раздражению. У Агнес первый день в новой школе. У Анны, можно сказать, тоже.

Когда она парковала машину возле полицейского участка, прошло уже пять минут от назначенного времени. Туман, стоявший все выходные, не рассеялся – здесь, в низине, он казался еще гуще, садился прямо на одежду. И к то-

му же пованивал. От запаха гари свербило в носу. Раньше Анну не слишком беспокоили запахи. На работе ей случалось переживать вещи похуже, не заикливаясь на них. Но в последний год запахи как будто стали сильнее. Анна даже знала точно, когда это началось и какой запах был первым. Первая половина дня 2 ноября прошлого года. Белые лилии. Похороны Хокана. Анна ощутила, как нервозность обжигает желудок, и глубоко вдохнула. *Расслабься, все будет хорошо*, прошептал он. Похоже, они снова стали друзьями. Во всяком случае, Хокан больше не выступал со всякими зловещими предупреждениями.

Хенри Морель подошел к стойке секретаря раньше, чем Анна успела войти в здание. Наверное, стоял и наблюдал за ней. Высокий мужчина, выше метра девяносто, и весом килограммов сто, не меньше. Какая-то часть этих килограммов отложилась на талии, но не так обильно, как у большинства его ровесников. Морель тоже был в полицейской форме, отчего Анне полегчало. Явиться в первый же день одетой неправильно – неважное начало. Сутуловатая спина, манера переносить вес на переднюю часть стопы, шкиперская борода и кустистые брови делали Мореля похожим на старого медведя.

– Хенри, – представился он и протянул ладонь, похожую на громадную ласту. Улыбнулся вежливо, но не более того. – Добро пожаловать в Неданос. Сегодня сыровато, но я подумал, что мы все же начнем с обзорной экскурсии. Кстати, в

машине есть кофе. – Он жестом указал на “вольво”. Обычная синяя машина без специальных знаков и маркировки – и все-таки по ней за километр видно, что это машина полицейская. В салоне пахло водой после бритья. В держателе между сиденьями стоял картонный стаканчик с кофе. Пока Морелль выводил машину на дорогу, Анна пригубила кофе. Он оказался чуть теплым; молчание в машине ощущалось как напряженное.

– Простите за опоздание. – Анна изо всех сил старалась говорить уверенно. – Моя дочь. – Она почувствовала, что вот-вот начнет заикаться, сделала паузу и сменила тему. – Спуск занял больше времени, чем я рассчитывала. Повороты крутые, а в тумане.

Морелль примирительно махнул рукой.

– Привыкнете. Вы же в пятницу приехали? Добрались из Стокгольма нормально?

– Вполне.

– И вы с дочерью обосновались в Таборе? Уже все перевезли?

– Более или менее.

Голос у него был нейтральным – не дружелюбный и не неприязненный. И внятный сконский говор – не то что нечленораздельное урчание Матса Андерсона.

– Красивый дом. Один из лучших на гряде. Элисабет Видье крепко держалась за него все эти годы. Ничего не делала, ничего не меняла. А еще меньше хотела его продавать или

сдавать. – По голосу было ясно, что Мореллю есть что сказать о доме, но он предпочел сменить тему.

– Да, так я подумал, что мы совершим экскурсию по поселку, и я немного расскажу, как тут все устроено. И у нас будет возможность узнать друг друга, прежде чем вы встретитесь с остальными служащими. Собрание в десять утра.

– Прекрасно! – Слово прозвучало как-то слишком воодушевленно, и это рассердило Анну. Лучше придерживаться нейтрального тона, как Морелль, не лезть из кожи вон.

Хенри свернул на главную улицу – почти два километра прямой асфальтовой дороги, которая прерывалась только переходами через рельсы. Анна уже успела несколько раз проехать по поселку и констатировала, что главная улица слегка широковата, что вкупе с прямой, как стрела, дорогой, по сторонам которой виднелись низенькие строения, создавало впечатление какой-то пустыни, тем более что утром народу на улице было немного. Над поселком висел туман, но гряда все же угадывалась, зловеще темнея слева от поселка. Анна едва не вздрогнула.

Скрыться от мира, прошептал Хокан. *Ты же этого хотела?*

– В полицейский округ, как вы наверняка уже знаете, входят три муниципалитета, – говорил Морелль. – Здесь живет в общей сложности чуть больше 25 тысяч человек. Самый большой район – Неданос, здесь около 9 тысяч жителей, да и событий здесь происходит больше всего.

Анна отхлебнула кофе и что-то промычала в ответ на его изложение, делая вид, что еще не успела погуглить все эти факты; украдкой она наблюдала за Мореллем. Хенри Морелль при помощи профсоюза сумел продлить свой пенсионный возраст до шестидесяти семи лет и из трудового договора выжал все, до последней буквы мелким шрифтом. Всю свою жизнь он прослужил в Неданосе. Сорок пять лет – вся жизнь Анны. Это с трудом укладывалось у нее в голове. Четыре с половиной десятилетия заниматься проблемами других людей в одном и том же районе – казалось бы, более чем достаточно. И все же Морелль изо всех сил цеплялся за рабочий стол. Наверное, он по-настоящему любил свое дело. А теперь ему приходится отдавать должность ей, приезжей. Анна изучала его жесты и мимику, вслушивалась в интонации, но Морелль если и был настроен по отношению к ней враждебно, то хорошо это скрывал. Кофе, конечно, приятный гостеприимный жест, но он же чуть теплый, так что прямо сейчас Анна никак не могла определить свое отношение к Мореллю. К тому же они сидели в машине бок о бок, и Анне трудно было считывать его бессознательные движения и мимику. Может, к этому он и стремился? В таком случае Морелль хитрее, чем она ожидала.

Проезжая мимо центральной площади и муниципального управления, Морелль указал на полицейский участок, двухэтажную коробку желтого кирпича, построенную, наверное, в восьмидесятые годы.

– Начнем отсюда. Общим счетом двадцать шесть полицейских, из которых двадцать один заняты патрулированием. Еще есть две дамы из гражданских, они работают в приемной. Посмотрим, как будут обстоять дела после следующего сокращения штатов. Хотя это уже не моя проблема...

Анна попыталась расслышать в последней фразе хотя бы намек на горечь, но так и не поняла, была там обида или нет.

Морелль поскреб бородку.

– Место встречи местных пьяниц, – объявил он, когда они проезжали маленькую площадь перед винным магазином. – У нас тут компания старых алкашей и наркоманов, они обычно отираются здесь, особенно когда приходит пособие по нетрудоспособности. Конченный народ. Пять-десять лет – и все. – Голос прозвучал почти печально. Они миновали железнодорожные пути. Рельсы заворачивали, отчего плитки лежали на разной высоте, и амортизаторы машины отозвались гулом.

– Потряхивает, да? – спросил Морелль. – Но такова цена за то, что у нас тут ходят местные поезда. Многие коммуны готовы дать за поезд куда больше, чем стоит пара амортизаторов. Говорят, в следующем году пустят поезда дальнего следования – значит, виадук построят.

Пожилая пара на тротуаре помахала, и Морелль ответил на приветствие. Потом помахал велосипедист. Люди явно узнавали начальника полиции. Запах гари, который Анна учуяла раньше, стал еще отчетливее.

– Глину обжигают, – пояснил Морелль и указал на темный контур гряды. – У главного предприятия коммуны, “Glarea”, большой карьер как раз у холмов. Ломают камень, щебенку, а заодно обжигают печной кирпич.

Анна узнала название. Логотип фирмы был на потертой кофте Гуннель из магазинчика, куда она наведалась в субботу.

– Бывают дни, когда запах сильнее, – продолжал Морелль. – Я-то его едва замечаю, но кое-кто из новых жителей пожаловался в комитет по защите окружающей среды, так что в следующем году настанет конец и обжигу, и взрывам. – Морелль пожал плечами. – Времена меняются. Может, оно и к лучшему. Хоть машину не так часто придется мыть.

Они медленно катили дальше; Морелль указывал на ресторанчик, библиотеку, среднюю школу, бассейн и магазин “ИКА”. Дальше последовали скобяной магазин, будка сапожника, цветочный магазин, а в конце этого бесконечного пути – пожарная станция и высокая водонапорная башня, напоминавшая гигантскую лисичку из серого бетона. Асфальт, кирпич, темное дерево и грязно-серый этернит, навевший еще большую тоску, чем зловонный туман. Неданос никак не походил на живописный городок, типичный для Сконе. Скорее на индустриальный город.

– Ну а проблемы здесь примерно те же, что и в больших городах. Взломы, пьяные за рулем, незаконное вождение – иногда граффити или автобусные остановки разносят. – Мо-

релль снова поскреб бороду. – Есть такие, кто жен поколачивает, но они у нас под контролем, ну и так, единичные драки, и в лагере беженцев, и в Народном парке. Ничего особенно интересного, тем более для опытного следователя вроде вас. – Фраза повисла в воздухе: впереди был поворот, и Морелль сосредоточился на дороге. Анна догадывалась, о чем разговор пойдет дальше.

Они свернули в промышленную зону на окраине поселка, миновали автомойку и поехали по односторонней дороге с одинаковыми проржавевшими трейлерами. Лакокрасочные работы, автомастерская, за ней – шиномонтаж.

Поодаль, у кругового разворота, виднелся старый заброшенный двор, который совершенно не соответствовал окружающим строениям. Углы дома поросли высокой травой. Окна, двери и крыльцо заколочены толстыми досками. Морелль поставил машину на стояночный тормоз и повернулся к Анне.

– Так вот, Анна. Говоря начистоту, ваше появление здесь было немного... – Он взмахнул рукой, подбирая слово, – неожиданным, – нашел он. – В местах вроде Неданоса не так много кандидатов из внешнего мира претендуют на должность начальника полиции. Бывают заявления из соседних районов, от равнодушных, которые просто хотят зарплату побольше. Есть еще пропащие головы, которым надоело отбывать смены в городе. Но так издавна еще никто не приезжал, и это понятно. Хочешь сделать карьеру в полиции –

поезжай в большой город, а не из большого города, верно?

Анна кивнула, обдумала сказанное. Она с тревогой ждала продолжения. К чему он клонит? Ему что-нибудь известно?

– Обычно начальственная должность переходит к кому-нибудь, кто уже служит в участке, – продолжил Морелль. – Кто знает, что и как устроено, кто уже так или иначе занимался руководящей работой. Именно так я много лет назад получил пост от своего предшественника. – Морелль наклонился к ней. – Не поймите меня неправильно, Анна, – разумеется, мы очень рады, что к нам пришел служить такой опытный полицейский. Рекомендации вашего стокогольмского начальства как минимум впечатляют. Расследования убийств, руководитель группы. Невероятный процент раскрываемости.

Рот у него растянулся в некоем подобии дружелюбной улыбки, которая на долю секунды превратилась в гримасу, обнажившую истинные чувства Морелля. Мелькнувшее у него на лице выражение противоречило его же словам. Теперь Анна уже не подозревала, а знала наверняка: Морелль не хочет, чтобы она служила здесь.

– Многие в участке думали, что должность перейдет к лейтенанту Йенсу Фрибергу, – продолжал Морелль. – Мы с полицеймейстером уже в общем-то договорились. И тут появляется ваша заявка, всего за два дня до истечения срока. По сравнению с вашей квалификацией у бедняги Йенса не было шансов. Полицеймейстер был на седьмом небе от ра-

дости.

Морелль иронически улыбнулся, и Анна заставила себя промолчать. Она знала, что он еще не договорил.

– Так что все мы задаем себе вопрос: зачем, Анна? Зачем человеку с вашими достоинствами, вашим послужным списком и без каких-либо корней в Неданосе, да и вообще в Сконе, эта работа? Почему вы не хотите служить следователем или занять руководящую должность в Стокгольме? Иначе говоря: какова настоящая причина вашего появления здесь?

Морелль ни на шаг не отступал от показной вежливости. Но в интонациях его таилась какая-то скрытая опасность, почти намек. Словно он уже знает ответ на свой вопрос. Хенри Морелль был полицейским в буквальном смысле всю ее, Анны, жизнь. У него наверняка везде, где только можно, имеются свои люди. Он что-нибудь знает о внутреннем расследовании? О Хокане? О ней? По идее, ответ должен быть отрицательным. О подозрениях насчет нее никуда не сообщалось, информации нет ни в одной базе данных. И все же Анна не могла избавиться от чувства, что Морелль знает больше, чем говорит. Может быть, он хочет, чтобы она так думала? Анна сама пользовалась таким приемом во время допросов. Мне и так уже все известно, так что давай рассказывай. Есть только один способ проверить, так это или не так.

– Нам надо сменить обстановку, – сказала Анна без дрожи в голосе. Откуда бы этой дрожи взяться? Она говорит

правду. – Мой м-муж... – она тут же поправилась и заодно загладила легкое заикание, – мой *бывший* муж Хокан в прошлом году умер. От рака. Агнес очень тяжело это переживала. Начались проблемы в школе, она связалась с неподходящей компанией. В Стокгольме нелегко.

Она сделала паузу, предоставив Мореллю самому заполнить пробелы. Хороший способ не увязнуть во лжи. Все ее слова – чистая правда. Она просто умолчала о некоторых деталях. *Совсем как я*, прошептал Хокан где-то у нее в голове, как всегда идеально не вовремя. Анна чуть не закусила губу, спохватилась в последний момент.

Морелль задумчиво кивнул. Какое-то время он сидел молча, изучая ее лицо. Сканирует ее, как она только что сканировала его? Пытается понять, врет она или нет? Анна надела маску: не выдать себя ни движением брови, ни жестом.

Он знает, прошептал Хокан. *Куда бы ты ни заехала – тебе не уйти от той истории.*

Морелль продолжал рассматривать ее. Откашлялся.

– Я... все понимаю, Анна. – Он глубоко вздохнул. – Я и сам много лет назад был в подобной ситуации. – Морелль бессознательно почесал левую щеку. Анна разглядела, что кожа под бородой воспалена и покрыта перхотью.

– Нам с Эвой-Бритт было чуть за двадцать, когда у нас родился Александер. Роды были трудные, к тому же выяснилось, что больше детей у нас не будет, так что мы чересчур пеклись о сыне. – Морелль как-то виновато улыбнулся.

ся, отчего бешеный пульс Анны немного замедлился. — Я был увлеченным отцом. Родительские собрания, тренировки, матчи. А потом мне предложили по-настоящему хорошее место в Хельсингборге. Руководитель группы в отделе по борьбе с наркотиками. Зарплата повыше, задачи поувлекательнее. Для многих полицейских работа мечты. Но я подумал и понял, что ради Александера мне лучше остаться здесь, в Неданосе. Чего не сделаешь для детей, верно?

— Верно! — Анна кивнула медленно, задумчиво — так же, как он. Морелль продолжал сверлить ее взглядом, но выражение лица смягчилось. Атмосфера изменилась, и Анна понимала почему. Морелль подверг ее проверке, и результаты этой проверки каким-то удивительным образом принесли обоим почти одинаковое облегчение.

— Вы, наверное, спрашиваете себя, почему мы остановились именно здесь. — Он указал на запустение за окнами машины. Голос звучал дружественнее, как будто Анну уже почти считали коллегой.

— Пару лет назад мы узнали, что большая компания байкеров задумала купить это место и устроить тут клуб. Ограда с колючей проволокой, камеры, круглосуточное наблюдение. Здешние жители к такому не привыкли. Но мы с Бенгтом Андерсоном из мэрии быстро нашли решение. Инспекция по охране здоровья взяла пробы грунта и обнаружила повышенное содержание графита.

Произнося “обнаружила”, он не изменил голоса, не обо-

значил воображаемые кавычки, и все же они там были. Анна узнала имя – Бенгт Андерсон, порылась в памяти.

– Недвижимость попала на карту муниципалитета, где отмечаются экологически неблагоприятные районы, и мотогопники свернули лавочку. – Морелль с довольным видом улыбнулся. – Владельца участка было, конечно, немного жаль, но ему все с лихвой компенсировали. Долговременный контракт на строительство и ремонт дорог, насколько я знаю, так что теперь тут у нас тишь да гладь.

Улыбка стала шире.

– Мы с Бенгтом Андерсоном знакомы уже лет сорок, – продолжил Морелль, и тут Анна вспомнила, где слышала это имя.

– По-моему, мы в выходные видели его сына. Матс Андерсон, живет в Энглаберге?

Морелль кивнул.

– Матс – младший сын Бенгта. Вы, наверное, заметили – он слегка со странностями. Но хороший парень, абсолютно безобидный.

Для всех, кроме барсуков, подумала Анна.

– Это благодаря Бенгту тут открылись винный магазин и ходит местный поезд. И он же ведет переговоры насчет поездов дальнего следования. К тому же он председатель “Glarea”. Если бы не Бенгт, Неданос бы не пережил кризиса девяностых. – Голос Морелля чуть не зазвенел от восхищения – такое бывает, только если человек на седьмом десятке

говорит про другого человека на седьмом десятке.

– После Бенгта в мэрии у штурвала встала его дочка, Мари. Бойкая девица, энергии не меньше, чем у отца. Она бы где угодно карьеру сделала, но решила вот остаться в Неданосе, работать на благо муниципалитета. Мари и Александер с детства дружат, так что я на нее смотрю почти как на собственную дочь. – Голос зазвучал серьезнее. – Понимаете, к чему я веду?

Анна кивнула, хотя вопрос был риторическим.

– Я хочу сказать, что в местах вроде Неданоса полицейский – часть общества, но совсем не как в большом городе. У всего, что мы делаем – или не делаем, – есть последствия, иногда весьма личного свойства. – Морелль замолчал. Кажется, он тщательно взвешивает слова. Потом наклонился так низко, что Анна ощутила его дыхание с запахом кофе.

– Эта должность означает отношения, Анна. Надо быть частью общества, понимать, как мыслят и думают люди. Далеко не то же самое, что следовать написанному в уголовном кодексе...

Когда же настанет пора поступить правильно, прошептал Хокан у нее в голове. *Ты же не думаешь, что я забыл твое обещание?*

Глава 6

28 августа 1990 года

Мари изобразила глубокую затяжку – Карина дала ей сигарету. Красные “Принс” были слишком крепкими, но за годы, проведенные в компании курильщиков, Мари научилась делать вид, что курит. То же касалось алкоголя. Обычно она растягивала бокал вина как можно дольше и наполняла снова только наполовину. А потом ходила с оставшейся каплей весь вечер, что избавляло ее от сплетен об излишней правильности. Про этот мухлеж знала только Карина, но та никому не выдавала ее тайны.

Когда начало темнеть, Алекс развел костер. Высокие поначалу языки пламени отбрасывали тени на деревья и скалы, но потом огонь стал ровнее. Бруно, как всегда, захватил из ресторана решетку для гриля, и Алекс помог ему приладить ее над углями. Мари, Карина и Симон тем временем раскладывали подстилки. Камни еще хранили солнечное тепло, но воздух, по мере того как сгущалась темнота, становился сырым и холодным. Вскоре все, кроме Алекса, натянули джинсы и куртки.

– Пospорим с осенью! – рассмеялся Алекс, открывая очередную банку пива.

Мари налила себе и Карине красного вина в пластиковые

стаканчики.

– Ну, как прошел день? – спросил Бруно. Спросил вроде как всех, но Мари отметила, что он взглянул на нее.

– Хреново. – Карина с шиком выпустила сигаретный дым из ноздрей – у Мари никогда так не получалось. – Оке приперся домой пьяный около четырех, разбудил нас с мамой. И началось. – Она презрительно закатила глаза – как всегда, когда говорила об отце. – Я по дороге на работу отвезла малявок к бабушке, так что они ничего не слышали. Потом покормила старичков, вымыла туалеты и поменяла подгузники – все за грошовую зарплату. Еще один славный денек из жизни Педерсенов. – Карина скорчила язвительную гримасу и затаилась.

Кажется, Бруно уже раскаялся, что спросил; Мари стало почти жаль его. К тому же в животе заурчало. На следующей неделе переезд, она собирала вещи и не успела пообедать. И теперь голод настиг ее. Чтобы заглушить его, Мари выпила немного вина.

– Твой маме бы на него в полицию заявить, – сказал Алекс, по голосу которого было ясно, что эта тема ему не нравится.

– Ну конечно, – процедила Карина. – Как будто это поможет. Да тут, в Неданосе, каждая собака знает, что Оке бьет мою маму.

– А твои старшие братья? – спросил Симон.

– У них своих проблем полно. – Карина покачала головой,

бросила окурок в камни и отвела глаза. Мари знала почему. Все знали старших братьев Карины, все знали, что, чем бы они ни занимались, дел у них было полно, а что это за дела, никто не уточнял. Мари выпила еще вина и обнаружила, что стаканчик успел опустеть.

Когда поленья обуглились и стали бархатистосерыми, Бруно поджарил на решетке свинину со свежими овощами. Удивительно, как он всего за несколько минут соорудил целый праздничный ужин, но друзья уже столько раз это видели, что никто – по привычке – не реагировал. Однако сегодня Мари решила внести разнообразие.

– Как вкусно пахнет, Бруно, – сказала она. – Вот это да! – Наверное, дело было в голоде и в вине, которое она так опрометчиво пила на пустой желудок. Как бы то ни было, комплимент, кажется, обрадовал и смутил Бруно. Мари знала, почему он покраснел. Симон намекал, что Бруно интересуется ею; она ответного интереса не чувствовала, но это откровение все же обрадовало ее. Ей начинала надоедать предсказуемая роль “дурнушки-наперсницы-красотки”, которую она играла с начальной школы. Приятно, оказывается, когда на тебя есть спрос, что кто-то предпочел тебя красоте Карине Педерсен, даже если этот кто-то просто старый добрый Бруно Сорди.

– Friends forever¹³, – провозгласил Алекс и поднял банку. – Что бы ни случилось, да?

---

¹³ Друзья навеки (англ.).

– Вот! – Карина до краев наполнила стаканчик Мари красным вином. Полный стакан. Если Мари выпьет его весь, то изрядно превысит свою обычную дозу. Но сегодня же не обычный вечер. Последнее летнее купанье – традиция, которую Алекс придумал, когда им было по тринадцать, и которую они соблюдали каждое следующее лето. Во всяком случае до этого года. И вот лето 1990 года осталось позади, как и экзамен на аттестат зрелости, и Мари радовало щекочущее предвкушение. Жизнь начинается по-настоящему. Она чокнулась с остальными и отпила вина, потом еще. Ощутила, как приятное тепло растекается по телу.

Наевшись, все пятеро растянулись на подстилках, довольные нарастающим опьянением и глядя в ночное небо. Прямо над ними сияли звезды, но на востоке начинали собираться облака. Плотная темная пелена медленно ползла к гряде и маленькой каменоломне. Симон выключил магнитофон, подбросил в огонь еще пару поленьев и потянулся к гитаре. Привалился спиной к валуну и взял несколько аккордов. Мари отметила, что Карина положила голову Алексу на грудь, они курили одну сигарету на двоих, а это означало, что недавняя ссора забыта. Мари привыкла, что они вечно препираются, но ей казалось, что в последние полгода ссоры участились. Иногда Карина намекала, что подумывает, не положить ли всему этому конец. Порвать с Алексом по-настоящему, а не как раньше, когда расставания были частью игры. Карина до сих пор не предложила поменяться места-

ми, чтобы ей с Алексом спать в одной палатке. И не потому, что Мари в этом году согласилась бы на такое. Оказаться им с Бруно в одной палатке – значит подать ему совершенно неверный знак.

Бруно расстелил свою подстилку рядом с Мари. Она попробовала представить себя с ним, но у нее ничего не вышло. Она, Бруно, Карина и Алекс знали друг друга с детского сада. А Симона она знала еще дольше. На одной из самых старых пожелтевших фотографий из семейного альбома они были младенцами. Лежали в одной кроватке, а их мамы, Элисабет и Эбба Видье, стояли позади них принаряженные. Они с Симоном двоюродные брат и сестра, а по ощущениям – родные. И все же Мари проще было представить себя наедине с Симоном, чем с Бруно. Милым, предсказуемым Бруно.

– Эх, лучше, чем сейчас, уже не будет, – вздохнул Алекс. Он глубоко затянулся и передал сигарету Карине. Симон наигрывал на гитаре. Тихие аккорды смешивались с потрескиванием костра. Внезапно из леса донесся звук, и Карина выпрямилась.

– Что это, ветка хрустнула? – встревоженно спросила она.

Бруно поднялся и некоторое время высматривал что-то среди деревьев.

– Косуля, – сказал он. – Или олень.

Карина, кажется, успокоилась и снова положила голову Алексу на грудь. Бруно сел на подстилку, на этот раз ближе к Мари. Смущенно улыбнулся, встретив ее взгляд. Мари

подумала, что следовало бы, наверное, пресечь это сближение. Но она опьянела и сегодня вечером позволит себе и пить вино, и принимать его восхищение. Всего через несколько недель они с Симоном будут жить в квартире в центре Лунда. Она уже устроила себе частичную занятость – работу в штаб-квартире партии в Мальмё. Ей, конечно, помогло, что она дочь Бенгта Андерсона, но она не собиралась испытывать угрызения совести по этому поводу. План совершенно прозрачный: стенографировать на собраниях и варить кофе те несколько лет, что она будет грызть гранит науки. Сдать выпускные экзамены и стать новым именем с правильными партийными связями и родословной. Пару лет набираться ума-разума, участвуя в местной политической жизни, а потом, как раз к 2000 году, двинуться в риксдаг. Как заманчиво звучит: начало двухтысячных. Не какие-нибудь унылые девяностые, а – двухтысячные. Будущее.

Симон заиграл что-то другое, тихонько подпевая на припеве. Когда Симон брал в руки гитару, общее настроение как-то менялось. Они выросли, и по мере их взросления это становилось все более очевидным.

– А вы думали, – сказала Карина, прервав размышления Мари, – что сегодня вечером мы, может быть, в последний раз вместе?

– Ключевое слово – “может быть”, – сказал Симон, не переставая играть. – Я собираюсь влезть в спальник, не раздеваясь. Вы знаете, как я отношусь к палаткам.

– Я не это имела в виду. – Карина затынулась.

– А что ты имела в виду, детка? – Алекс потянулся за сигаретой, но Карина сделала вид, что не поняла его жеста.

– Что мы тут сидим, может быть, вообще в последний раз, – грустно проговорила она. – Алексу через две недели лоб забреют.

– Это называется – проходить военную службу, – перебил он, но Карина пропустила его слова мимо ушей.

– А Мари и Симон уедут в Лунд.

– В следующий вторник, – подтвердила Мари. – Кстати, Симон, ты все еще не подписал контракт на квартиру.

Симон промолчал, и Мари разозлилась. Вот всегда он так – вечно опаздывает, вечно тянет до последнего.

– Найти общежитие студенту в Лунде почти невозможно, – раздраженно сказала она. – А квартиру еще труднее. Папа на столько рычагов нажал, чтобы нам эту устроить. – Мари повернулась к Симону, чтобы он уж точно услышал. – И смотри не напутай ничего. Завтра я к тебе заеду, и мы со всем разберемся, ладно?

– Угу, – промычал Симон, не отрывая взгляда от струн.

Мари выпила еще вина, обнаружила, что стаканчик пуст, и потянулась за бутылкой.

– Вы трое в любом случае уедете, – продолжила Карина. – Останемся только я, Бруно и осточертевший Неданос. Жопа мира.

– Ну и что? – запротестовал Бруно. – У меня есть планы.

У тебя ведь тоже?

– Ну, – буркнула Карина.

– Планы? Какие у тебя планы, детка? – Алекс как будто развеселился. Карина глубоко затянулась.

– Никуда не поступлю, буду работать официанткой на Ибице, да хоть au pair, если найду место. Что угодно, лишь бы обратиться подальше отсюда.

– Детка, – сказал Алекс, – мы же уже все обсудили. Пока я в армии, ты берешь полную занятость в доме престарелых. Если все будет нормально, мы следующим летом смотаемся на Крит, если это не пойдет вразрез с моим графиком соревнований.

– Или я уберусь отсюда без тебя. Хоть сейчас. От Оке и мамы, от твоих родителей, от всех, кто косо на меня смотрит. На хрен эту дыру, где самое главное – быть как все.

– Да, детка, конечно... – Алекс снисходительно погладил Карину по волосам, но она оттолкнула его руку. И вдруг выпрямилась.

– Слышали?

– Что? – спросили Мари и Бруно почти хором. Гитара Симона стихла.

– Что на этот раз? – рассмеялся Алекс. – Опять олень-людоед?

– Ш-ш! – Карина встала и стала всматриваться в направлении разворотного круга.

Там, среди деревьев, прыгала, приближаясь, одна-един-

ственная фара, за светом тянулся глухой рокот мотора. Этот звук почему-то заставил Мари вздрогнуть.

Глава 7

Осень 2017 года

Первый день, который Анна провела в полицейской форме, пришелся на 25 июня 1994 года. Она до сих пор помнила, как нервничала, как зудела кожа под воротничком рубашки, как непривычно давил на бедра пояс с кобурой. Как она поняла, что все остальные на планерке знают друг друга вдоль и поперек. Знают чужие сильные и слабые стороны, знают, что нужно, чтобы работать вместе. Все, кроме нее.

Сегодня Анна не сидела молча позади всех; сегодня она стояла перед коллегами, и все взгляды были направлены на нее. Но чувствовала она примерно то же, что и в свой первый день. Общим счетом двадцать шесть человек – вот и весь штат. Анна в отличие от Хокана не была прирожденным руководителем. Ее сильная сторона – умение слушать, а не говорить, поэтому свою речь она репетировала несколько недель.

– Ну, поприветствуем нашего нового начальника и мою преемницу, Анну Веспер. Добро пожаловать в Сcone, добро пожаловать в Неданос. – Хенри Морелль повернулся к Анне.

– Здравствуйте. – Анна постаралась встретиться взглядом по возможности с каждым. – Меня зовут, как сказал Хенри, Анна Веспер, мне сорок пять лет, и я приехала, как вы уже

слышали, из Стокгольма, где служила комиссаром в отделе по расследованию тяжких преступлений. Последние семь лет. – Она вдохнула поглубже и продолжила гораздо медленнее: – Но не беспокойтесь, в детстве мне случалось проводить лето у родственников в Эстерлене, так что я понимаю по-сконски, хотя сама не говорю.

Анна улыбнулась, и ей в ответ улыбнулись двое полицейских помоложе. Прочие даже не попытались изобразить улыбку.

А я что говорил, напомнил ей Хокан. Юмор – это абсолютно не твое. Придерживайся лучше того, что у тебя хорошо получается, дурила!

Анна кашлянула и выключила Хокана. Вдохнуть поглубже, не торопиться. И упаси бог начать заикаться.

– Формально я приступаю в следующий понедельник. На этой неделе Хенри будет передавать мне дела. Еще я собираюсь совершить несколько выездов на патрульной машине, получше познакомиться с округом. Через две-три недели я надеюсь провести с каждым из вас рабочее собеседование, чтобы составить картину: каковы наши цели, с какими трудностями мы сталкиваемся и как мне – руководителю – лучше всего вас поддержать.

Последней формулировкой Анна осталась особенно довольна. Тирада из курса для управленцев, который она успела пройти, накрепко засела у нее в голове. Дальше Анна пустилась рассказывать, что у нее есть шестнадцатилетняя

дочь, которую зовут Агнес и которая недавно поступила в гимназию и мечтает стать фотографом. Закончила она, ни разу не заикнувшись, сообщением, как ей не терпится поработать со всеми, кто собрался в кабинете. Когда она замолчала, Морелль вежливо похлопал.

– Спасибо, Анна. Я уверен, что собравшиеся сделают все возможное, чтобы смена руководства прошла как можно глаже. Я передаю слово Йенсу и заодно напоминаю, что официальная передача руля – в пятницу во второй половине дня, в здании муниципалитета. Вам известно, как я отношусь к подобным представлениям, так что буду рад видеть пару знакомых лиц среди толпы костюмов.

Шутку Морелля приняли гораздо лучше, чем ее собственную. Он подождал, пока все отсмеются, и повернулся к мужчине в форме, сидевшему в первом ряду.

– Ну вот, Йенс. Тебе слово.

Йенс Фриберг поднялся, подождал, пока Анна и Морелль сядут, и раскрыл черную папку, которую до этого держал под мышкой. Фриберг оказался ее ровесником, мускулистым и жилистым – ей такие нравились. Серые, как у Хокана, глаза, но без того особого мерцания, из-за которого злиться на Хокана было так трудно. Коротко стриженные темные волосы, форменная рубашка сидит как влитая, на груди и спине – загомы, американские армейские ботинки начищены до блеска. Анна поискала другие видовые признаки. Большие водолазные часы, два запасных магазина и наручники на ремне с

кобурой. Универсальная кобура на ножном ремне – из такой можно выхватить пистолет мгновенно. Анна поймала себя на размышлениях о том, есть ли у него армейские татуировки. Пятьдесят на пятьдесят, что есть. Шансы повысились до шестидесяти процентов, не успел Фриберг заговорить. Анне стало смешно. – Доброе утро. Выходные прошли следующим образом...

Анна много раз встречала мужчин вроде Фриберга. Хокан про таких говорил: полицейские образца “Tom of Finland”. Смех подавить не удалось, и Анна улыбнулась. Сказалось запоздалое облегчение по поводу того, что она одолела свою речь без заикания; Анна уставилась в пол и быстро согнала улыбку с лица. Выждав несколько секунд, снова подняла глаза, пытаясь понять, заметил Фриберг что-нибудь или нет, но по его сосредоточенному лицу ничего нельзя было понять.

Представив Анну будущим коллегам, Морелль повел ее по полицейскому участку. Здание оказалось больше, чем она ожидала: раздевалка, архив, гараж, спортзал в подвале, на первом этаже – стойка секретаря, камера предварительного задержания и кабинет для совещаний. Офисное помещение со стеклянными стенами на втором этаже. Анна разглядела большой письменный стол и стены, увешанные фотографиями. Наверное, это служебный кабинет Морелля, который скоро станет ее кабинетом. Морелль показал ей уголок для перерывов на кофе и представил следователей, сидевших в коридоре. А потом открыл дальнюю дверь в торце коридора:

– Ну, вот и ваш кабинет.

Просторное пустынное помещение, воздух слегка затхлый. Пустые стеллажи, полпачки копировальной бумаги, компьютерное кресло с подлокотниками, старые кнопочные телефоны. Одно жалюзи перекосилось на манер веера. Окна выходили на парковку и гаражный пандус.

– Я думала, что буду работать в вашем служебном кабинете, – удивилась Анна.

– Об этом я и хотел с вами поговорить. Понимаете, полицейская академия попросила меня обновить кое-какой их учебный материал. В смысле – руководство, набор персонала, всякое такое. – Морелль улыбнулся, голос у него был все такой же дружелюбный. – Полицеймейстер дал добро, так что я остаюсь в участке и хотел спросить вас, не сохранить ли мне за собой свой старый кабинет, простоты ради. Это всего на несколько месяцев, полгода максимум.

Вопрос поставил Анну в тупик. Морелль продолжал потечески приветливо смотреть на нее. Сейчас он – ее единственный союзник. Поэтому Анна пошла по пути наименьшего сопротивления.

– Конечно, не вопрос.

– Вот спасибо, – улыбнулся он. – Я правда очень признателен. Может быть, пообедаем вместе? Тут за углом есть хороший ресторан.

Заведение, несмотря на мрачноватый интерьер, оказалось действительно хорошим итальянским рестораном. Меню без

обычных орфографических ошибок, никакой кебаб-пиццы, паста al dente в самый раз, нежная. Когда Морелль представил хозяина заведения, Анна сразу поняла, в чем дело.

– Фабрицио Сорди, но здесь все зовут меня Фаббе. – Сорди отлично говорил по-шведски, точнее – по-сконски, но с типично итальянской интонацией. Темные волосы, очки; возраст и телосложение – как у Морелля, только хозяин ресторана на две головы ниже.

– Фаббе, как многие другие, приехал сюда в шестьдесят первом, работать на “Glarea”. Но его таланты на гравийном производстве негодились. Остальное расскажи сам! – Морелль ободряюще похлопал Сорди по плечу.

– В шестидесятые еда в Швеции была просто несъедобная. Красная фасоль и гороховый суп. Ананас и ветчина из банки. Приходилось просить родных, чтобы мне из Италии присылали пасту и оливковое масло. – Фаббе взмахнул рукой. – Я мыл тут посуду по выходным, подрабатывал, а потом повар допустил меня к плите. Он был питух, так что к плите я попадал все чаще.

Местное словечко – по ее предположениям, оно означало “алкаш” – прозвучало в устах коротышки так сочно, что Анна улыбнулась.

– В семьдесят пятом владелец надумал продавать ресторан, – продолжал Сорди. – Так что я собрал все, что у меня было, и вложил. Мои мальчишки, считай, выросли здесь. Умение готовить у них в крови. Мой старший, Данте, – су-

шеф в Копенгагене, в “Номе”. Две мишленовские звезды!

Морелль снова похлопал его по плечу. Коротышка едва не лопался от гордости.

– Значит, это он приготовил? – Анна указала на свою тарелку.

– Нет, это мой младший, Бруно.

– Ах вот как. Передайте ему, что очень вкусно. *Ottimo*¹⁴!

– *Tu parli italiano*. – Улыбка Фаббе стала еще шире. – *Brava!*¹⁵

– Совсем чуть-чуть. Я почти все забыла, – сказала Анна по-итальянски, а потом переключилась на родной язык. – В начале девяностых я полгода училась во Флоренции. А потом обнаружила, что хочу служить в полиции.

– Ты отлично говоришь, – рассмеялся Фаббе. – Погоди-ка. Бруно! Бруно!

Его громогласный призыв заставил остальных гостей поднять глаза. Из двери в дальнем конце комнаты выглянул мужчина в поварской форме. Фаббе замахал ему.

– Бруно, поди сюда, поздоровайся. Это Анна Веспер, наше новое полицейское начальство. Она жила в *Firenze*¹⁶ и говорит по-итальянски.

Мужчина протянул Анне руку. Примерно ее ровесник, во многом – более худая версия отца. Наметилась лысина на

---

¹⁴ Великолепно! (*итал.*).

¹⁵ Ты говоришь по-итальянски. Молодец! (*итал.*).

¹⁶ Флоренция (*итал.*).

лбу, линия рта отцовская, но глаза серьезнее и без морщинок от смеха.

– Бруно Сорди, – представился он.

– Здравствуйте, Бруно. Паста невероятно вкусная.

– Спасибо! – Бруно коротко улыбнулся и кивнул на отца. – А вот мой итальянский, к сожалению, так себе. Папа уже рассказывал, как он мыл посуду за весь ресторан?

– Только что.

– И вы слышали, что мой брат – мишленовский повар?

Анна кивнула.

– Тогда мне, увы, нечего добавить. – Бруно криво улыбнулся. – Я всего лишь повар в местном ресторанчике, и меня ждет кухня. Так что прошу прощения...

– Как Мари? – несколько торопливо спросил Морелль, словно не желая, чтобы Бруно так скоро уходил.

– Спасибо, нормально. Они с Бенгтом в Стокгольме, на встрече. Ты же ее знаешь. Хлопот полон рот. Неданос без нее не выживет. – Он сделал жест – не то шутка, не то отчаяние.

– Я слышал от Алекса, что с финансированием разобрались, – сказал Морелль. – Когда рассчитываете снова взяться за дело?

– Поглядим. – Бруно покосился на отца. – Надеюсь, что скоро.

– Бруно женат на Мари, дочери Бенгта Андерсона, она муниципальный советник. – Морелль повернулся к Анне. – У них еще “Bed and Breakfast” в доме, где выросла Мари, на

гряде. Но у них большие планы. Конференц-центр, спа, ресторан для гурманов. Фирма Алекса готова сотворить чудо. С таким прибавлением Неданос уж точно окажется на карте, верно?

– Ну, будем надеяться. – Бруно как будто смутился. – Мне пора на кухню. Рад был познакомиться, Анна, и здорово, что вам все понравилось. Мы наверняка еще увидимся. – Бруно кивнул отцу, Мореллю и побрел на кухню.

– Хороший парень, – сказала Анна Фаббе, в основном потому, что думала, что он ждет от нее каких-то слов. – Ты, наверное, гордишься своими детьми.

– Они все хорошие. – Хозяин ресторана кивнул. – Бруно, Мари, Алекс. Все.

Они с Мореллем переглянулись, и Анна не сумела истолковать этот взгляд. У нее появилось ощущение, что прямо у нее на глазах разыгрывается какой-то спектакль. Но зачем?

Глава 8

28 августа 1990 года

Мотоцикл выехал из леса, медленно сделал круг и остановился возле велосипеда Симона. Мари разглядела двух седоков – вроде бы мужчина и женщина. Мотор заглох, фара погасла, и через несколько секунд зажегся карманный фонарик, свет которого упал прямо на плато.

– Эй там, наверху! – позвал мужской голос.

– Привет! – Карина, стоявшая на краю лба, замахала в ответ, заслонила глаза – свет фонарика был направлен прямо на нее.

Алекс встал рядом с Кариной и попытался приобнять ее, но она стряхнула его руку. Мари держалась чуть позади. Мотоцикл незнакомый, голос – тоже. Ей не нравилось, что сюда явились чужаки.

– Можно подняться на минутку? – крикнул мотоциклист.

Алекс повернулся к Мари и вопросительно приподнял бровь. Мари помотала головой.

– Это наша вечеринка, – сказала она. – Наша традиция. Да, Бруно?

Бруно кивнул, но промолчал. Симон снова забренчал на гитаре.

– У нас травка есть, – продолжал мужской голос откуда-то

от шлагбаума. Мы с сестрой с удовольствием поделимся, если дадите чуток пожрать.

Алекс махнул рукой и улыбнулся.

– Ну брось, Мари. Пара новых людей – это же здорово.

– Только и думаешь, как накуриться, – прошипела она.

– So what¹⁷? Живешь только раз, верно, детка? – Алекс сделал новую попытку обнять Карину. На этот раз сопротивление было не таким ожесточенным.

– Почему бы и нет, – пробурчала Карина.

– А вы что скажете? Расширим кругозор? – спросил Алекс.

– Спасибо, что-то не хочется, – решительно сказала Мари. – И Бруно со мной согласен. – Бруно снова отвернулся.

– Двое за, двое против, – объявил Алекс. – Симон, твой голос решающий.

Симон оторвался от гитары – он, кажется, едва понимал, о чем спор. Мари поймала его взгляд, нахмурилась и помотала головой. Симон, к ее величайшему неудовольствию, не обратил на нее внимания.

– Без разницы, – сказал он и пожал плечами.

– Ну так как? – воззвал мотоциклист. – Будет праздник, нет?

Алекс широко улыбнулся Мари и крикнул:

– Поднимайтесь! И траву не забудьте!

Симон продолжил щипать струны. Красивые аккорды,

---

¹⁷ Ну и что? (англ.).

печаль которых подчеркивала тишина, установившаяся на камнях. На Мари накатило тревожное чувство. Оно слилось с унижением – она осталась в меньшинстве, – и Мари вдруг решила уехать домой. Она поднялась, отряхнула штаны. Сделала несколько шагов к палатке и заметила, что пошатывается. Остановилась, прикинула и поняла, что выпила слишком много, чтобы садиться за руль. Конечно, до Которпа, до дома, недалеко, и риск, что ее остановят, невелик. Но вдруг что-нибудь случится? Здесь, на холмах, люди ездят, как психи. А что скажет ее отец, когда она приедет на машине – а от нее несет вином? Одна-единственная ошибка вроде этой может стоить ей карьеры, которая еще и начаться-то не успела.

Новоприбывшие наконец поднялись на плато.

– Привет, привет! – Мужчина с фонариком был как будто на пару лет старше их. Черная кожаная куртка, белая футболка, джинсы. Симпатичный, длинные волосы зачесаны назад, черты лица резкие, немножко опасные. – Меня зовут Джо, а это моя сестра Таня. – Свет фонарика всего лишь скользнул по девушке, но Мари заметила, что Алекс тут же расправил плечи. Начес, рваные джинсы, сапожки на высоких каблуках, под кожаной курткой топ с вырезом – сестра Джо походила на дрянную девчонку-красотку из музыкального клипа.

– Привет, – коротко сказала Таня.

Алекс подошел к незнакомцам, широко улыбнулся и про-

тянул руку.

– Меня зовут Алекс.

Джо медленно провел по нему лучом фонарика. Снизу вверх, потом сверху вниз.

– Здравствуй, Алекс, – сказал он, не пожимая протянутой руки. – Ты, значит, в этой группе альфа-самец. А твои приятели кто? – Джо повел фонариком.

– Это Мари и Карина. – Алекс сделал вид, что не слышал комментария Джо.

– А-а, привет, девчонки, – сказал Джо. Фонарик на миг ослепил Мари, но не успела она заслонить глаза, как Джо перевел луч света на Карину, а потом на Бруно – далеко не сразу.

– А ты?..

– Бруно.

– Жратва – твоих рук дело? – Джо посветил на лотки с остатками ужина, которые ребята не успели убрать. – Мы с сестренкой сегодня долго ехали и проголодались. Если хочешь попытать с ней счастья, еда – хорошее начало.

– Чего?

Бруно как будто пытался понять, шутит Джо или говорит серьезно, но разглядеть выражение лица в темноте было невозможно.

– А вот и ваш трубадур. – Луч лег на Симона. – Нет-нет, играй дальше. Какой же костер без “Blowin’ in the wind”, верно?

Мари уже открыла было рот, чтобы попросить бесстыжего незнакомца и его облезлую сестрицу убираться ко всем чертям, но Таня опередила ее.

– Ну хватит, Джо. – Таня рванула фонарик к себе и направила луч Джо в лицо – точно так же, как он только что проделал с остальными.

– Вы уж простите моего брата. Он бывает страшным говнюком. Но в глубине души просто капризный молокосос с низким сахаром в крови.

Джо сделал попытку-другую завладеть фонариком, но сдался и, смеясь, опустил руки.

– Таня права. Я дурак. Голодный дурак! Сорри, если я кого обидел.

Таня выключила фонарик и повернулась к Бруно. Свет костра лег ей на лицо. Таня была ярко накрашена: темная помада, черная подводка, и все это усилено тенями от костра.

– Если что-нибудь из еды осталось, мы были бы очень благодарны. – Таня осторожно положила руку Бруно на плечо. Мари поймала себя на том, что вздрогнула. Бруно кашлянул.

– Конечно, не вопрос. – Он стал снимать крышки с контейнеров.

– Подожди, Бруно, – сказал Алекс. – Вы вроде говорили про обмен?

Джо улыбнулся, сунул руку в карман кожаной куртки и вытащил прозрачный пакетик, наполовину заполненный чем-то вроде табака.

– Хватит на всех.

Алекс гулко хлопнул его по спине, выудил из ближайшей сумки-холодильника две банки пива, протянул – сначала Джо, потом Тане. На долю секунды задержал пальцы на ее банке, чтобы Таня взглянула ему в глаза. Мари посмотрела на Карину – она ожидала, что подруга разозлится при виде такого откровенного флирта. К ее великому удивлению, у Карины был почти равнодушный вид.

Незванные гости ели так, будто несколько дней вообще не видели еды, и осушили еще несколько банок пива. Алекс, Бруно, Карина и Мари наблюдали за ними. Один только Симон не интересовался гостями – погрузившись в свои мысли, он перебирал струны.

Когда все было съедено, Джо громко рыгнул и достал из пакетика щепотку травы. Порылся в карманах и извлек папиросную бумагу и зажигалку.

– А теперь десерт. Что скажете?

Джо велел Алексу держать фонарик; крышку контейнера он использовал как подложку. Длинные тонкие пальцы сноровисто свернули три косяка; напряжение понемногу нарастало. Джо прикурил, затянулся и торжественно протянул косяк Карине.

– Раньше курила?

Карина помотала головой.

– Медленно затягиваешься и задерживаешь дыхание как можно дольше. Как вштырит, передай косяк подружке. –

Джо кивнул на Мари, сунул в рот еще один косяк и прикурил его так же, как первый. Глубоко затянулся и придвинулся к Карине; оба задержали дым в легких.

Карина закашлялась и захихикала, и это хихиканье Мари не понравилось.

– Моя очередь. – Алекс протянул руку. Но вместо того, чтобы передать ему косяк, Джо снова глубоко затянулся. Слегка пихнул Карину локтем. – Ого, как раскалился. Он всегда такой?

Карина все хихикала. Мари заметила, как разозлился Алекс. Карина повернулась к нему спиной и протянула косяк Мари. Мари сделала вид, что затянулась, пару секунд подержала дым во рту и выдула его, как когда “курила” обычные сигареты. Травка была сладкой и одновременно жгучей, вкуснее табака. Мари сделала еще одну короткую затяжку, на этот раз подержала дым подольше, чем заслужила одобрительный кивок Джо. Что-то было в этом тощем человеке. Что-то в глазах. Он, безусловно, умен, даже, пожалуй, ровня ей. Приятное разнообразие. Одно только то, что он назвал Алекса альфа-самцом, указывало на чувство юмора и интеллект. К тому же он старше, более зрелый. Но было в Джо еще кое-что. Что-то притягательное и в то же время чуточку отталкивающее.

– Ну же, дай курнуть-то! – простонал Алекс.

– На. Расслабься.

Алекс взял косяк, затянулся слишком глубоко и жестоко

закашлялся. Джо рассмеялся и гулко постучал его по спине. Мари сделала еще одну осторожную затяжку, подольше подержала дым в горле. Приятная мягкость медленно растекалась по телу, смывая злость и напряжение. Мари закрыла глаза, попробовала еще раз.

Джо раскурил третий косяк и протянул его Тане.

– Поделишься с трубадуром, сестричка. Гитаристы – это по твоей части.

– Иди в пень, – огрызнулась Таня, но потом отошла и села рядом с Симоном.

Джо еще ближе придвинулся к Карине. Потом потянулся к Мари – она не поняла, чего он хотел. И лишь через несколько секунд сообразила, что все еще сжимает в пальцах косяк и что она выкурила его почти наполовину.

Глава 9

Осень 2017 года

Анна приложила немало усилий, чтобы водвориться в новом кабинете. Компьютер припарковался на письменном столе, дипломы в рамках – свидетельство окончания разных курсов – закрыли вылинявшие от солнца места на стенах. Своды законов, руководства в помощь следователю, фуражка, а также фотография Агнес выстроились на стеллаже; Анне даже удалось добыть два разномастных стула для посетителей. Несмотря на все ее усилия, кабинет выглядел холодным и бесприютным, а затхлый запах никак не выветривался. С грехом пополам Анна открыла окно, чтобы впустить свежего воздуха, и уселась за стол, просмотреть свежую статистику преступлений и записи, касавшиеся открытых дел.

Ей с трудом удавалось сосредоточиться – в голову лезли впечатления последних дней. Табор, Просто-Лассе, Клейн, барсук, встреча с этим странным Матсом. Хенри Морелль и Йенс Фриберг. Обед у Фаббе-Трактирщика и его сына Бруно – встреча, которая по какой-то причине ощущалась как заранее подстроенная. Не говоря уже о фреске в зале для проповедей и рассказе о смерти Симона Видье. Трудно было представить себе, что не далее как утром прошлой пятницы они с Агнес стояли в пробке на Эссингеледен. Адвокат еще

не звонил, но по этому поводу пока можно было не беспокоиться. Анна последовала его совету, и теперь пусть он делает, что от него требуется.

Морелль в общем и целом правильно описал местные проблемы, но опустил несколько вопросов, которые интересовали Анну. Как и в большинстве муниципалитетов, здесь имела место наркоторговля – в последние годы даже обнаруживали заброшенные дома, где выращивали марихуану. Кроме того, здесь пару раз громко отметились защитники окружающей среды, их акции были направлены против гравийного карьера “Glarea”. Анна принялась, но сегодня запах не ощущался. Наверное, ветер, который унес туман, забрал с собой и запах обжигаемой глины.

Посвятив чтению примерно час, Анна поднялась, прихватила любимую кружку с эмблемой полиции Нью-Йорка и отправилась за кофе. Как-то они с коллегами из полицейского управления лена подсчитали, сколько чашек кофе выпивают за день. Она закончила на шести – и даже близко не вошла в тройку лидеров. В коридоре пахло кофе темной обжарки; из “кофейного” уголка доносились голоса. Там сидел Йенс Фриберг с какой-то женщиной чуть за тридцать, в полицейской форме. Когда Анна вошла, оба замолчали посреди разговора.

– Здравствуй, Йенс. – Прекрасный способ продемонстрировать Фрибергу, как он важен, показать ему: она запомнила, как его зовут. Но на приветствие Анны ответила жен-

щина, крупная блондинка, и ответила довольно громко. Ее “привет” прозвучало обиженно.

– Прошу прощения. Здравствуйте. Мы вчера встречались, верно?

– Фрида. И нет, мы не встречались. У меня вчера ребенок болел. – Судя по выражению лица, женщина обиделась еще больше.

– Ох. Так много новых лиц! В любом случае, теперь мы знакомы, Фрида. Меня зовут Анна Веспер.

Анна протянула руку – ей удалось не покраснеть – и постаралась не обращать внимания на взгляды, которые бросал на них Йенс Фриберг. Потом повернулась и налила кофе себе в кружку. Внезапно здание затряслось от глухого рева, зазвенело стекло в шкафчике. Анна дернулась и пролила кофе на брюки.

– Чт-то... – Она ощутила заикание – вибрацию между зубами и нижней губой. Сглотнула, перенесла ударение на другое слово. – Что эт-то?

Сидевшие за столом Фрида и Йенс переглянулись. Потом перевели взгляд на нее, и Фриберг сказал:

– “Glarea”. Взрывают в карьере. Через несколько месяцев привыкнете.

– А, вон что. – Анна поняла, что больше ей сказать нечего, и зашагала к своему кабинету.

– К-как д-думаешь, она т-тут над-долго? – Судя по голосу, Фрида развеселилась. Ответа Фриберга Анна не расслы-

шала.

Незадолго до обеденного перерыва в дверь ее кабинета постучали. Явился Морелль, и Анна сначала решила, что он снова пригласит ее на обед, но потом заметила, что он не один. С Мореллем пришел мужчина, ее ровесник, одетый во флисовую кофту, плотничьи штаны и пояс с кармашками для инструментов. Светлые волосы свисали прядями, нос широкий, могучая шея, уши, как у борца. Когда-то он неплохо выглядел. Да и сейчас тоже, хотя у него уже обозначилась лысина и щетина подернулась сединой.

– Вот и мой Александер, – сказал Морелль. – Его строительная фирма выполняет у нас в участке кое-какую работу, и я попросил его посмотреть, что с окнами. – Он указал на перекошенные жалюзи.

– Здравствуйте. Анна Веспер. – От Александера Морелля слегка пахло потом и рабочей одеждой – запах не сказать, чтобы неприятный, во всяком случае от мужчин определенного типа. – Я преемница вашего папы, – сказала она, в основном потому, что ничего лучше придумать не успела.

– Да я знаю. – Александер неуверенно улыбнулся. – Зовите меня Алекс, меня все так зовут, кроме моих родителей.

– Анна и ее дочь теперь живут в Таборе. – По голосу Хенри Морелля было ясно, что Алекс и так в курсе.

– Ага, Табор, – пробормотал Алекс. – Лучший дом на гряде. – Похоже, ему больше нечего было сказать. Алекс подо-

шел к окну и принялся изучать раму. Достал из кармашка на поясе отвертку и, проделав пару простых манипуляций, разъединил рамы. В его сдержанности было что-то симпатичное.

– Земли возле Табора принадлежали одному моему родственнику, пока их не купил у него старший Видье. – Голос Хенри Морелля звучал почти как всегда. И все же Анне показалось, что она уловила какую-то горечь. – Дом почти полностью отремонтировали, да?

Анна кивнула. Потом ей показалось, что она уловила связь, и повернулась к мужчине у окна.

– А, это вы ремонтировали, Алекс. Там стало так красиво!

– Нет-нет, не я. – Алекс в замешательстве посмотрел на нее. – Элисабет Видье не хотела, чтобы я... – Он покосился на отца. Рот у Хенри Морелля превратился в жесткую черту.

Анна поняла, что сказала что-то не то. Но что именно?

– Ну, я просто подумала. – Она обернулась к Мореллю. – Вы столько знали о доме, а А-алекс. – Простите, если я наступила на больную мозоль.

– Ничего страшного. – Лицо у Морелля смягчилось. Он наклонился и понизил голос.

– Гораздо хуже, что у Элисабет Видье зуб на нашу семью. Он выпрямился и посмотрел через ее плечо на Алекса. Подергал себя за бородку.

– Старая история. Понимаете, когда мой родственник продал Табор Видье, он сохранил за собой право охотиться

на холмах. Между ним и отцом Элисабет существовал договор, нечто вроде компенсации – Табор продали чуть не за бесценок. Со временем я и мои кузены унаследовали договор, и Элисабет была с этим вполне согласна. В Энглаберге полно других охотничьих угодий.

Он снова поскреб бороду.

– Но как-то осенью, в конце восьмидесятых, моему двоюродному брату случилось подстрелить оленя, который добрал до Табора, а потом еще лежал во дворике и кричал. Мы постарались изловить его побыстрее, но, к сожалению, Карл-Юхан случайно все видел. Выбежал во дворик, поднял крик, расплакался. Совершенно вышел из себя. Нам даже пришлось позвонить Бруру Клейну. – Морелль почесался в третий раз. Экзема сегодня была заметнее, еще краснее. – Карл-Юхан всегда был таким трепетным. Типичный горожанин, который обожает рисовать природу, но понятия не имеет, как она устроена. Охота есть охота, всякое случается. – Он покачал головой. – Как бы то ни было, Клейн зачем-то привез с собой Элисабет, хотя мы упрашивали его этого не делать. Когда они заталкивали Карла-Юхана в машину, он трясся как осиновый лист и ни на что не реагировал. Я пытался извиняться, но Элисабет и слышать ничего не хотела. Напустилась на меня на глазах у всей охотничьей группы. Такие слова произносила – я их и повторять не хочу.

Морелль снова покачал головой. Краем глаза Анна увидела, что Алекс уже закончил с жалюзи и теперь стоял, повер-

нувшись к отцу спиной, но явно прислушиваясь к разговору.

– Через два дня из юридического бюро Гуннарсона пришло письмо. Договор об охоте расторгается, причем немедленно. После этого мы с Элисабет Видье раззнакомились окончательно, и она, к сожалению, перенесла плохое отношение на следующее поколение. – Он махнул на Алекса, который снова сосредоточился на окне. – Кстати, вы с ней уже виделись?

Вопрос прозвучал как бы между прочим, но Анна мгновенно уверилась, что он-то и был целью всего рассказа.

– Нет, только с ее семейным юристом, ну и с Клейном.

– Ясно. – Морелль кивнул, на лице выразилось некоторое облегчение. – Брур Клейн неплохой. Энглаберга вообще существует только благодаря ему. Он взял на себя управление хозяйством, когда Карл-Юхан довел усадьбу чуть не до разорения.

Он помолчал, как будто обдумывая сказанное, и покосился на Алекса.

– Анна, Элисабет Видье захочет навестить вас, – тихо сказал он. – Захочет вытащить на свет божий одну старую историю. Трагический случай. Ее парнишка, Симон...

Прежде чем Морелль успел еще что-нибудь сказать, окно с громким стуком закрылось. Анна вздрогнула и с любопытством подняла голову.

– Ну вот. – Алекс сунул отвертку в карман, поднял жалюзи, которые теперь ходили, как положено, и повернулся к от-

цу. – Покажешь, что тут еще надо починить?

Анна постояла, глядя, как отец и сын уходят по коридору. Со спины они телосложением и манерой двигаться казались почти одинаковыми. Прежде чем свернуть направо, перед самой лестницей, Александер обернулся и посмотрел на Анну. Чуть улыбнулся, отчего у Анны поднялось настроение. *Он тебе понравился*, констатировал Хокан без признаков ревности в голосе. Анна буркнула ему “заткнись” и снова взялась за рапорты, но чувство, посетившее ее вчера во время обеда, очень скоро вернулось.

Как будто рядом с Анной что-то происходит – что-то, чего она пока не может понять.

Глава 10

28 августа 1990 года

Карина затянулась глубоко и длинно, как показал ей Джо. Она чувствовала на себе его взгляд. Джо придвинулся так близко, что их тела касались друг друга. Нравится ей это или нет? Джо симпатичный, не отнимешь. К тому же на несколько лет старше Алекса, более зрелый. И умнее, кстати. Алекс не понял, что Джо издевается над ним. Что “альфа-самец” – это ирония, а не прикольное прозвище.

Больше всего ей хотелось избежать этого приключения, избежать пререканий с Алексом, не лежать в отсыревшей палатке, слушая якобы увлекательные разговоры, кто там что себе напланировал. Планы были у всех, кроме нее и бедняги Бруно. Но даже при том, что Алекс откровенно пускает слюни по поводу этой лахудры, сестрицы Джо, незваные гости – во всяком случае пока – изрядно оживляли вечер.

По кругу пошел второй косяк, воодушевление вокруг костра нарастало. Мари – явно под кайфом – во весь голос и довольно фальшиво пела:

– Ooh, baby, baby it's a wild world¹⁸...

Симон играл, опустив веки – глаза он открывал, лишь когда Таня совала косяк ему в губы. Лоб у Симона бле-

---

¹⁸ Это безумный мир, малышка (англ.).

стел, пальцы летали по струнам. Сегодня вечером с ним что-то творится, подумала Карина. Что-то непривычное. Почти привлекательное – качество, которое Карина никак не могла связать с Симоном Видье.

Алекс, сидевший рядом с Таней, из кожи вон лез, чтобы завладеть ее вниманием, и это было столь же противно, сколь и предсказуемо. Но почти не задевало Карину, к ее собственному удивлению. Сама не зная почему, она стала злиться на то, как Таня переносит косяк от собственного рта к губам Симона, а потом снова к себе. Мягко, медленно, словно передает поцелуй. Карина никак не могла ответить себе, почему ее это задевает.

Вернулся Бруно, уходивший помочиться. Опустился рядом с Мари, застенчиво протянул бутылку воды. Мари посмотрела на него как на идиота и отпила пива из банки, которую только что дал ей Джо, хотя обычно спиртного не пила.

Карина подумала, что надо бы помочь Бруно с Мари. Заставить ее чуток прийти в себя, пить воду время от времени. Но все-таки ужасно смешно, что такая вся правильная Мари Андерсон сейчас лыка не вяжет.

Песня закончилась, и Симон, похоже, решил сделать перерыв. Он положил голову на камень и закрыл глаза. Таня прильнула к его плечу. Это интимное движение еще больше взбесило Карину, и она почти не обратила внимания, как Джо положил руку ей на спину. Пусть, до поры до времени.

– Ну что, молодежь, – начал Джо преувеличенно взрос-

лым голосом. – Вот вы и в студенческих фуражках. Вся жизнь перед вами. Нет ничего невозможного!

Он затанулся и передал косяк Карине.

– Так о какой же жизни вы мечтаете? Кем станете, когда вырастете? – Он ткнул пальцем в Бруно. – Давай начнем с тебя, Мистер Кухня!

Бруно покосился на Мари, которая, кажется, уже с трудом сидела прямо.

– Собственный ресторан, – сказал Бруно. – Не папин, а мой собственный.

– О-о, повар. Благородная профессия. Люди всегда хотят есть, верно?

Бруно неуверенно кивнул и отвел глаза, словно не мог понять, издевается Джо над ним или нет. А вот Карина сразу поняла. Происходящее забавляло ее. Забавляло, что она одна все понимает.

– А ты? – Джо повернулся к Алексу. – Мистер Альфа-самец? Из тебя что выйдет?

– Олимпийское золото, – уверенно ответил Алекс, одновременно пытаясь перехватить Танин взгляд. – Борьба. Я второй в Швеции в своей возрастной группе и весовой категории. Девяносто второй, Олимпиада в Барселоне – и я выше всех на пьедестале почета.

Он широко улыбнулся и напряжинил бицепсы, подмигнув Тане. Карина еле заметно покачала головой. Произойди такое всего какой-нибудь год назад, она закатила бы сцену. Но

как же ей все надоело. Надоела эта идиотская игра, надоело болтаться между ссорами, примирительным сексом, повседневностью – а потом снова ссора, и нет этому конца-края.

– Неплохо, – сказал Джо. – Ну а ты, моя красавица? – Он повернулся к Карине. Та процедила:

– Что угодно, лишь бы убраться отсюда.

– Что угодно? Правда? – В голосе Джо зазвучала нежность. Он как будто собирался добавить еще что-то, но его перебила Мари.

– Политика! – громко объявила она. – Я хочу заниматься... – Она запнулась, собирая слова. – Заниматься политикой. Риксдаг. Но сначала – учить политологию в Лунде. Мы с Симоном на следующей неделе переезжаем.

– Да-да. А что, по-вашему, будет с нашим юным трубадуrom?

– Рок-музыкант, – ответил Симон неожиданно твердым голосом.

– Рок-музыкант, значит? – иронически усмехнулся Джо. – Неплохая мечта. Прижизненная слава? Sex and drugs and rock'n roll!

– Вроде того. – Симон так и лежал, закрыв глаза.

– Ну перестань, – заплетающимся языком проговорила Мари. – Симон будет учиться музыке в Мальмё. Жить будет у меня. Мой папа такую квартиру нашел, охренеть, прямо в центре Лунда.

– Нет. – Симон открыл глаза. Голос сосредоточенного че-

ловека.

– Что “нет”? – спросила Мари.

– Нет, я не поеду в Лунд.

– Чего?

Карина бессознательно выпрямилась. И заметила, что не одна – Алекс и Бруно тоже разогнулись.

– Я поеду на гастроли с одной группой. От них ушел гитарист, и им срочно нужна замена. Гастроли начинаются через три недели, так что во вторник я уезжаю в Стокгольм.

Вокруг костра воцарилось молчание, и несколько секунд все ждали, что Симон захохочет и скажет, что пошутил.

– Серьезно? – спросил Бруно, когда молчание стало затягиваться.

Симон кивнул.

– И что за группа?

– “Талисман”.

– Блин, мы же их по радио слушали, когда ехали сюда. Как так вышло-то?

Симон пожал плечами.

– Мой преподаватель гитары знает одного парня со студии звукозаписи. Он порекомендовал меня. На прошлой неделе я встретился с двумя чуваками из группы в Мальмё, мы сыгрались. Они явно решили, что я им подхожу.

Карина почувствовала, как сильно забилось сердце. Как смесь радости и возбуждения растекается по телу. Наконец-то событие. Кто-то сделал что-то неожиданное. Карина

тут же ощутила укол зависти, но постаралась подавить ее.

– Симон, но так же нельзя. Где ты будешь жить? – Голос у Мари был такой, словно она вот-вот расплачется.

– Студия звукозаписи сняла квартиру, субаренда, пока мы катаемся. Турне – четыре месяца. Швеция, Европа, даже пара концертов в Азии. А потом видно будет. Больше всего мне хочется самому писать музыку, но группа – хороший старт.

– Я же уже заказала нам мебель. – У Мари дрогнул голос. И тут Джо убрал руку со спины Карины и зааплодировал.

– Bravo, трубадур! По сравнению с тобой и твоими планами все остальные – горстка неудачников. Рок-звезда – вот, друзья мои, как выглядит настоящая мечта!

Джо усмехнулся и снова положил руку на спину Карине. На этот раз – на пару сантиметров ниже. Карина не стала стряхивать ее.

– Ну а ты-то, что ты сделал, сидишь тут такой крутой! – огрызнулся Алекс, который, похоже, наконец сообразил, куда клонит Джо.

– Спокойней, спокойней, Мистер Альфа-самец! – Джо вскинул свободную руку. – Я на твоей стороне. Я тоже чертовски завидую трубадуру. – И Джо спустил руку Карине на копчик. Карина отпихнула его, поднялась, пошатываясь, подошла к Симону и обняла его:

– Ну круто, поздравляю. Наконец-то кто-то вырвется отсюда!

Она опустилась рядом с Симоном, и теперь он сидел меж-

ду ней и Таней.

– И когда ты собирался рассказать? – У Алекса все еще был злой голос, хотя он отвернулся от Джо и теперь обращался к Симону.

– Все недавно только прояснилось. Со студии звонили сегодня после обеда.

– И ты ничего не говорил?

– Мне надо было переварить. И потом, теперь-то я все рассказал, правда? – Симон тоже заговорил раздраженно. Атмосфера вокруг костра переменилась, за несколько минут превратившись из расслабленной в возбужденную, а из возбужденной – в напряженную. Карина чувствовала на себе взгляд Джо. На какой-то миг он утратил контроль над шуткой, признание Симона сбило его с толку так же, как остальных. Но вот он уже изучал пятерых друзей с глумливой улыбкой на губах.

– Да, согласен, – усмехнулся он. – Нелегко видеть, как сбываются чьи-то мечты, верно? Особенно если это мечты твоего лучшего друга.

– Придержи язык, – сказала Карина. И тут же поняла, что угодила в ловушку. Какую бы психологическую игру ни затеял Джо, Карину туда затянуло.

– Симон, не сыграешь нам? – попросила Таня. – Что-нибудь из твоего собственного?

– Ну, не знаю...

Таня придвинулась ближе, положила ладонь Симону на

руку.

– Пожалуйста. Для меня.

Симон покраснел, быстро огляделся и взял гитару.

– Ладно. – Он провел большим пальцем по струнам. – Называется – “Lonely Waters¹⁹”.

Он взял пару грустных, красиво нисходящих аккордов. И запел.

– “I saw a friend today, someone I knew long ago. But I still recalled her name.”²⁰

Голос Симона улетал от костра, и скалы возвращали его красивым эхо.

– “And she told me this. My friend from long ago. And things will never be the same”²¹.

Внешне Симон не изменился. Длинные светлые волосы до плеч, острый нос, тонкие пальцы летают по струнам. Карина сто раз слышала, как он играет и поет почти так же, как сейчас. И все же он вдруг превратился в кого-то совершенно другого.

– “I’ll see you by the waters. The dark and lonely waters”²².

Таня подхватила припев. Голос у нее оказался глубже, чем ожидала Карина, и Симон быстро приспособился. Теперь он

---

¹⁹ Пустынные воды (англ.).

²⁰ Сегодня я встретил подругу, подругу из давних времен. Но я не забыл ее имени, я не забыл их имен (англ.).

²¹ Она рассказала мне это – подруга из давних времен. Все навсегда изменилось... (англ.).

²² И мы встретимся у воды. У темных пустынных вод (англ.).

пел не мелодию, а вторую партию. В исполнении таких разных голосов песня зазвучала еще прекраснее. Карина и все остальные просто молчали и слушали. Даже Джо, хотя он и сохранял ироничное выражение на лице. Симон и Таня пели дальше, их голоса сплетались, эхом отдаваясь в каменоломне.

– “The dark and lonely waters”.

На последнем припеве Карина попробовала присоединиться к песне, но без особого успеха. Ее голос по сравнению с другими был слабым, ломким, едва слышным. Когда песня отзвучала, воцарилась тишина.

– Вот это да. – Карина взяла Симона за руку.

– Спасибо, – ответил он, не спуская глаз с Тани.

Алекс раздраженно сплюнул.

– Офигеть, – сказал Бруно. Он, кажется, хотел добавить что-то еще, но взгляд Мари заставил его промолчать.

Джо поднялся, подчеркнуто потянулся и подмигнул Карине.

– Что-то скучно мне стало. Как насчет ночного купания? Или вы, детишки, боитесь купаться в темноте?

Глава 11

Осень 2017 года

Железнодорожный вокзал Неданоса помещался в красивом здании, построенном в начале XX века: высокие колонны, оштукатуренный фасад, по центру – башенка с большими часами. Внутри виднелись небольшой зал ожидания, неприменный киоск “Прессбюро” и большой плакат, извещавший, что здесь скоро откроется “Эспрессохаус”.

В пять часов дня на автобусной стоянке у вокзала было полно народу: кто-то возвращался с работы, кто-то из школы. Анна остановилась в зоне посадки и высадки, вышла из машины и стала высматривать Агнес. В воздухе висели выхлопные газы и сигаретный дым. Агнес все еще не появлялась, и Анна решила выйти к поездам. Она шагнула на тротуар, и тут ее окликнули.

– Здесь нельзя парковаться!

Рядом остановилась патрульная машина, окошко поехало вниз. На пассажирском месте сидел Йенс Фриберг, за рулем Анна угадала коротко стриженную нахалку из комнаты отдыха.

– Привет, Йенс, – сказала Анна. – Мне только дочь встретить.

– Правила дорожного движения одинаковы для всех, – на-

помнил Фриберг. – К тому же вы, кажется, собрались покинуть машину. Припаркованная машина и есть та, из которой водитель ушел.

Анна застыла, пытаясь осознать происходящее. Не есть ли все это дурная шутка, насмешка над новенькой – они сами практиковали такое в Стокгольме. Однако на застывшем лице Фриберга признаков шутливости не угадывалось. К тому же Анна заметила, что женщина за рулем улыбается отнюдь не дружелюбно. И впереди, и позади машины Анны было несколько свободных мест, и она уже собиралась указать на этот факт, но сдержалась. Спор шел не о правилах дорожного движения, а кое о чем другом. Краем глаза Анна заметила Агнес – дочь болтала с какими-то девочками-ровесницами. Анна почувствовала себя странно уязвимой. Она набрала воздуха в грудь.

– Д-дочь уже идет. – Конечно же, она споткнулась на первом слове.

Фриберг не шевелился, изучая ее через опущенное окошко. Серые холодные глаза, лицо без всякого выражения.

– Хорошо, – сказал он наконец и медленно поднял окно.

В машине Агнес в основном помалкивала. Ее открытая, приветливая версия, которая проглянула было в выходные, исчезла, и дочь сидела как обычно, выискивая что-то в телефоне. Обычно Анну такое поведение злило, но сейчас вполне устраивало. Давало возможность успокоиться и проанализировать случившееся. Чем больше Анна думала о проис-

шествии у вокзала, тем больше уверялась: Фриберг следовал за ней от самого участка. Искал случая подловить ее, когда она будет в уязвимом положении – между рабочим и личным – и оспорить ее авторитет. А его придурковатая коллега гарантированно устроит так, чтобы слух о том, как Фриберг поставил новую начальницу на место, разошелся побыстрее. Ответить у Анны в принципе нет возможности – это она поняла, когда машина начала взбираться вверх по гряде.

Первое: она сама допустила ошибку, припарковавшись в зоне прибытия, а Фриберг, указав на ошибку, просто сделал свою работу. Продемонстрировал высокие профессиональные качества: для него все равны.

Второе: официально она еще не вступила в должность. Они с Мореллем на этой неделе работают параллельно, так что, если она нанесет ответный удар, сошлет Фриберга на пару дней в архив или отправит его мыть служебные машины, ей придется привлечь и Морелля, чего, разумеется, нельзя допустить.

Третье: после небольшого дополнения, которое Морелль сделал, когда они совершали ознакомительную поездку, стало ясно: симпатии полицейских – на стороне Фриберга. Если Анна попытается закатать его в асфальт в ту же минуту, как сядет в начальническое кресло, это будет выглядеть как сведение счетов с конкурентом. Так что придется стиснуть зубы и смириться. Выждать удобного случая и восстановить авторитет, только что попорченный этой заразой Фрибергом. И

чем скорее, тем лучше. Анна видела, как он смотрел на нее через окно, и этот взгляд убедил ее: произошедшее не было ни случайностью, ни единичным случаем.

При виде указателя “Табор” она решила не думать о работе, во всяком случае – сегодня вечером.

– С кем ты разговаривала? – спросила она.

– Да так. Просто девчонки из школы. Ехали вместе, – процедила Агнес, не отрываясь от телефона.

– Они тоже живут в Неданосе? – Анна понимала, что задает глупый вопрос, и приготовилась к какой-нибудь грубости, но получила в ответ только нейтральное “угу”. Поэтому она решила пойти чуть дальше. – И о чем говорили?

– Ни о чем особенно. В субботу в Народном парке будет что-то вроде праздника. Кайя Бьянка приезжает, так что тут все на ушах стоят.

– Кто?

– Ну мама! – Агнес оторвалась от телефона и вздохнула. – Кайя Бьянка. Звезда помойных реалити-шоу, блогер, бизнесумен. У нее своя марка косметики. А еще она сидит в жюри всяких “Мы ищем таланты”. – Агнес поискала в телефоне и предъявила Анне изображение платиновой блондинки с карасиными губами, филерными скулами и ботоксным лбом.

– А, эта, – сказала Анна, хотя понятия не имела, о ком говорит Агнес.

– Кайя, по всей видимости, выросла в Неданосе, но вряд ли бывает здесь так уж часто. По-моему, все в восторге, что

она приезжает. В поезде ни о чем другом и не говорили. Big deal.

– Ясно. Мы пока ничего не наметили на субботу. Хочешь пойти?

– Это вряд ли. – Агнес презрительно фыркнула и снова уткнулась в телефон.

Анна остановила машину подальше от крыльца. Из кухни доносился лай Мило. Он энергично подскакивал, а как только открылась дверь, описал несколько кругов возле Агнес и маленькой белой стрелой умчался в лес.

– Мило! – встревоженно позвала Агнес – похоже, она готова была пуститься следом.

– Оставь его в покое. Он ничего не ел с утра, так что наверняка голодный. Дадим ему десять минут. Если через десять минут не появится, я помогу тебе его поймать, идет?

Агнес прикусила нижнюю губу, совсем как Хокан, и Анна ощутила укол тоски. Иногда они бывали так похожи, что Анне делалось больно.

Анна оказалась права – Мило показался в саду минут через пятнадцать. Когда они открыли дверь, собака с довольным видом скалила зубы. Рядом с Мило на крыльце лежал мертвый кролик. Мило основательно извозился в грязи, и они принялись отмывать его в большой раковине в прачечной. Собака отряхнулась, забрызгав всю комнату, и Агнес рассмеялась. Какая радость – такой обычный звук.

Анне было радостно почти весь ужин. Агнес рассказывала о новой школе, новом классе – немногословно, конечно, но все-таки. Однако позже, когда уже стемнело и они сидели перед телевизором, кое-что случилось. У Агнес на коленях лежал айпэд, Анна смотрела новости. Еще один сюжет о бедственном положении больниц. Посреди сюжета вдруг пошли кадры из онкологического отделения. Ряд коек, белые занавеси, желтые казенные одеяла. У Анны свело желудок. Она зашарила в поисках пульта, но он провалился между диванными подушками, и, прежде чем Анне удалось переключить с онкологических больных на безопасный американский ситком, прошло почти полминуты. Оказалось – слишком долго. Бросив взгляд на Агнес, Анна отметила, как изменилось настроение. Анна готова была сказать что угодно, лишь бы разрядить ситуацию. Но она опоздала.

– Ты же была там, мама? – тихо спросила дочь. – Когда папа умирал. Была?

– Была, – ответила Анна, не успев ни обдумать ответ, ни собраться с мыслями.

– А почему меня туда не пускали?

Дочь и раньше задавала этот вопрос. Не словами – взглядами, жестами, долгим мучительным молчанием. И так же, как раньше, у Анны не было ответа.

Хокан рвался что-то сказать, и Анна торопливо сделала телевизор погромче. Достаточно громко, чтобы не слышать Хокана.

Агнес пробурчала “спокойной ночи” и закрыла за собой дверь. Анна вышла на широкое крыльцо. Подняла мертвого кролика за заднюю лапку. Кролик оказался легче, чем она ожидала, и Анна почти сразу поняла, почему. В брюхе зверька зияла дыра, часть внутренностей отсутствовала. Сначала Анна подумала, что тут не обошлось без Мило, и ей стало противно, когда она вспомнила, как пес лизал Агнес лицо. Но когда она поднесла кролика к фонарю над дверью, то увидела на брюхе ровный разрез; внутренние органы и кишки оказались аккуратно вынуты. Анна постояла, пытаясь сообразить, что это значит, но подходящего объяснения не нашла. Наверное, Мило где-то стащил кролика – может быть, в Энглаберге, хотя расстояние и время не очень увязывались у Анны в голове.

Она отнесла тушку к мусорным контейнерам за домом, после недолгого колебания выбрала бак для пищевых отходов и опустила мертвого зверька туда. Поднялся ветер, деревья качались, и когда Анна повернулась спиной к лесу и зашагала к дому, ее снова настигло то же чувство, что она испытала на днях в лесу. Она знала, что оно порождено вопросами Агнес и шепотом Хокана. *А достаточно ли ты далеко? Ты правда веришь, что они не найдут тебя, если по-настоящему захотят до тебя добраться? Расскажи же ей, Анна!*

Ночью ей приснился сон, снова приснился, в первый раз за несколько месяцев. Порождающая клаустрофобию маленькая больничная палата. Она на стуле, он рядом, в постели. Сухой воздух пахнет антисептиком, свет приглушен. Жужжат аппараты, провода и шланги обвилились один вокруг другого, как гусеницы, а где-то там, под всем этим, лежит измученное человеческое тело. Тело, которое когда-то было Хоканом и которое теперь понемногу истаивает, как свечка.

– Анна, спаси меня, – шепчет Хокан. Поднимает истощенную руку, указывает на аппарат рядом с кроватью узловатым, каким-то стариковским, пальцем. Четырехугольная коробочка с кнопками на передней панели. Инфузионный насос тихо жужжит, закачивая морфин в кровь Хокана.

Слезы, как всегда; палата расплывается в глазах. Она слышит его голос.

– Я не хочу умирать. Вот так – не хочу. Анна, пожалуйста, спаси меня!

Новая сцена. Комната для допросов.

По одну сторону стола – двое следователей, ведущих внутреннее расследование, по другую – она и ее адвокат.

– Вы сделали это? – спрашивает следователь; и Анна понимает, что перед ней – Йенс Фриберг.

Анну разбудил какой-то звук. Во всяком случае, она решила, что ее разбудил звук, потому что она проснулась внезапно и резко, сердце в груди стучало, как молот. Анна по-

лежала тихо, прислушиваясь. В спальне стояла крошечная темнота, слышно было, как за окном шумит ветер. Анна села, посмотрела на мобильный телефон на тумбочке. Два часа ночи, и чуть больше четырех часов – до звонка будильника. Хотелось в туалет, и Анна осторожно, чтобы не разбудить Мило и Агнес, пошла по коридору. У комнаты дочери остановилась и на всякий случай прислушалась. Тишина, покой.

В ванной она осторожно закрыла за собой дверь, стянула трусы и села на унитаз. Пол настелили недавно, электрический провод подогревал плитки. Анна посидела, опустив веки, но какой-то звук заставил ее открыть глаза. Наверху что-то скрипело. Анна осторожно встала, натянула трусы и пижамные штаны и тихо приоткрыла дверь. Поскрипывание шло сверху, теперь она была в этом уверена. Половица. Наверху, в зале для проповедей, кто-то есть. Взломщик, незванный гость посреди ночи в их доме, всего в нескольких метрах от ее дочери. Анна на цыпочках пробежала в прихожую. В ящике бюро лежит телескопическая дубинка. Анна схватила ее, рывком выдвинула, три стальные трубки с металлическим щелчком сцепились одна с другой. С дубинкой наизготовку Анна повернулась к двери, ведущей на лестницу. Ощущение от резиновой рукоятки в ладони мало-помалу прогнало панику. Анна прислушалась.

Незванный гость там, наверху, кажется, замер – половицы больше не скрипели. Может, услышал щелчок дубинки. Анна задержала дыхание и медленно выдохнула, чтобы в голо-

ве прояснилось. У нее два пути. Можно разбудить Агнес и Мило, посадить их в машину, как можно скорее уехать, а когда они окажутся на безопасном расстоянии, набрать 112. Анна выглянула в окно передней. Площадка перед домом залита лунным светом. Машина близко, всего метрах в пяти от двери, но взломщик услышит их и к тому времени, как сюда прибудет первая патрульная машина, успеет удрать. Из зала для проповедей снова донеслось поскрипывание. Звук не особенно угрожающий. Скорее неуверенный. Паническое бегство из собственного дома не добавит ей очков в полицейском управлении. Анна тут же представила себе, о чем будут болтать за столиком в “кофейной” комнате. Как она струсилась, сбежала, словно перепуганный заяц. Другой путь – в первую же неделю службы схватить грабителя на месте преступления. То, что нужно, чтобы повысить авторитет, хотя и глупо. К тому же подобная альтернатива гораздо милее ее полицейскому сердцу. Анна покрепче обхватила рукоять дубинки и задумалась.

Элемент неожиданности – все еще ее преимущество. К тому же она вооружена, обучена и имеет навыки рукопашного боя. Анна еще порылась в ящике, нашла наручники в кожаном чехле, сунула их в карман пижамных штанов, в высшей степени осторожно открыла дверь на лестницу и прислушалась. Услышала поскрипывание, потом что-то слабо звякнуло. Кажется, звук шел со стороны торцевой стены – той самой, с росписью.

Анна поставила ногу на первую ступеньку. Холодное дерево под босыми пятками. Вторая ступенька, третья. Анна положила дубинку на плечо. Четвертая ступенька, пятая. В пижаме и босиком Анна двигалась почти бесшумно. Шестая ступенька, седьмая. Она замедлила шаг, прислушалась. Наверху тихо. Еще две ступеньки, и стал виден пол второго этажа. Анна поставила ногу на восьмую ступеньку. Ступней ощутила слабую вибрацию – и через долю секунды дерево тихонько скрипнуло. Черт!

Анна замерла на месте, задержала дыхание. Из зала для проповедей не доносилось ни звука. Неужели ее раскрыли? В таком случае ее положение хуже некуда. Незванный гость где-то там над ней, крутая узкая лестница не даст ей замахнуть дубинкой как следует, к тому же есть опасность полететь вниз кувырком. Надо решить: вперед или назад.

Анна набрала в грудь воздух и бегом преодолела последние ступеньки. Левая рука выставлена для защиты, дубинка занесена над головой. Но на Анну никто не напал. Она бросилась в зал и попыталась определить, где взломщик. Полная луна висела за большим церковным окном, заливая зал серебристо-белым светом. Все спокойно, взломщиков не видно. Спрятаться здесь можно только внизу на широкой лестнице, позади педального органа или за какими-нибудь фотоэкранами Агнес. С дубинкой наизготовку Анна обогнула орган, посматривая за спину, чтобы на нее не напали сзади. Пульс грохотал в ушах. Пространство за органом оказалось

пустым. Анна резко обернулась и констатировала, что лестница тоже пуста; потом она медленно двинулась к картине. Единственное непроверенное укрытие – там. Анна остановилась на полпути, сжимая рукоять дубинки.

– Лучше выходи. – В огромном зале голос отозвался призрачным эхом. – Я из полиции, – прибавила она погромче. – Выходи!

Ничего.

Анна медленно двинулась по залу; наконец ей удалось заглянуть за первый фотоэкран. Пусто. Осталось еще одно место – за экраном в другом углу.

Анна снова остановилась, прислушалась. Услышала только собственное дыхание. Во рту пересохло, как после табака, рукоять дубинки липла к ладони.

– Выходи! – опять крикнула она. Ей никто не ответил.

Анна осторожно протянула левую руку и ухватила край экрана. Экран оказался легким – в основном алюминий и ткань. Анна дернула его на себя, отступила и отпустила экран, чтобы освободить себе место для замаха. Экран некоторое время балансировал на верхнем крае, а потом медленно завалился и со стуком ударился о пол.

Угол за экраном оказался пустым. Анна опустила дубинку, выдохнула.

Может, ей померещилось? Может, просто старый дом оседает. Вполне возможно, хотя Анна не готова была купиться на такое объяснение. Но если взломщик действительно был,

куда он в таком случае делся? Анна спустилась по широкой лестнице и проверила дверь, ведущую во двор. Заперто, а с той стороны – засов, как и ожидалось. Анна снова поднялась. Церковное окно не открывалось, но Анна на всякий случай проверила. Ночью панорама была почти такой же красивой. Далеко-далеко, над городами, на горизонте начинало розоветь ночное небо.

Что-то в громадном зале было не так, и Анне понадобилось несколько секунд, чтобы определить, что именно. Слабый запах, не свойственный этому дому и который Анна не могла опознать. Запах становился тем отчетливее, чем ближе Анна подходила к фреске.

В лунном свете картина казалась еще более зловещей. Краски осени глуше, небо темнее, дождь безрадостнее. Как и раньше, искаженные отражения на воде казались почти живыми. Они менялись по мере того, как Анна подходила ближе. Раздваивались, сливались, снова раздваивались. Складывались в новый узор, новые формы. Что-то это напоминает...

Луна зашла за тучу, и зал на несколько секунд погрузился в полутьму. Анна замерла, не сводя взгляда с фрески; она так сосредоточилась, что не заметила еле слышного звука – кто-то поднимался по лестнице.

Лунный свет вернулся, и Анна судорожно вдохнула. Отражения на водной поверхности слились, образовали светлый силуэт молодого мужчины. Прямые руки закинута за голову, лицо обращено к небу. Бледная кожа, волосы в воде

вокруг головы напоминают нимб. Все вместе необыкновенно красиво, но в то же время – какая глубокая печаль. Потому что было совершенно очевидно: юноша мертв. – Это, наверное, Симон Видье, – сказала Агнес за спиной у Анны, перепугав ее чуть не до смерти.

Глава 12

28 августа 1990 года

Карина увидела, как Симон поднялся, прислонил гитару к большому камню и зашагал по тропинке с той стороны плато. Она подождала, чтобы никто не смотрел, встала и медленно пошла следом. Она и сама не знала зачем. Просто что-то случилось, что-то, отчего ей нужно было поговорить с Симоном. Среди деревьев было темно, но Карина много раз ходила по этой тропинке. Сортирный путь, как они ее называли, вел к развалинам бараков на каменоломне, но никто никогда дальше половины пути не уходил.

– Симон, ты там? – шепотом позвала она. – Симон?

– Я здесь!

Справа от тропинки слышались звуки. Потом Карина увидела, как Симон выходит из-за деревьев, на ощупь застегиваясь. Они остановились друг напротив друга – сантиметров на двадцать ближе, чем встали бы при свете дня. Темнота словно толкнула их друг к другу. Они оказались так близко, что Карина ощутила легкий зуд внизу живота. Смешно. Это же Симон, которого она знает с детского сада. И все же каким-то удивительным образом он уже не прежний Симон, а совершенно другой человек.

– Короче, я подумала... – Она поежилась. – Крутая но-

вость, про гастроли. Поздравляю. — Из-за травы слова выходили невнятными, словно обжигали рот.

— Спасибо!

— Когда едешь?

— В понедельник.

— Ясно. — Карина глубоко вдохнула, поколебалась. Ее прервал звук — где-то в лесу треснула ветка. Она вздрогнула:

— Что это?

— Ничего особенного.

— Как по-твоему, здесь кто-то есть?

— Да кому здесь быть. Все остальные ведь наверху? — Симон махнул рукой в сторону каменного лба, где снова заорал бумбокс.

— Не они. Кто-то другой. — Несколько секунд они молча прислушивались, но слышали только собственное дыхание и звуки, долетавшие со стороны каменоломни. Карина сглотнула.

— Олень-людоед вернулся, — усмехнулся Симон. — Интересно, какого хрена мы тут вытворяем.

— Думаешь? — Карина хотела прогнать страх, но он крепко вцепился в нее.

— Ну. Кстати, а чего у тебя глаза такие? Что-то случилось?

Карина не ответила. Прикусив нижнюю губу, она продолжала вслушиваться.

— Глупость какая-то, — пробурчала она. — Пьяный бред.

— Ты о чем?

Карина помотала головой.

– Ну давай, говори! – Симон взял ее за руку. Прикосновение не было неприятным – скорее наоборот. Карина глубоко вдохнула и на пару секунд задержала дыхание.

– Короче, за неделю до конца школы мы с Мари ехали в автобусе домой. Нам было скучно, и мы начали вспоминать, какие песни нам нравились в восьмидесятые.

Симон рассмеялся.

– Окей, и одна из вас затянула “Never gonna give you up” Рика Эстли?

– Ну хватит.

– Извини. Продолжай. Вы ехали в автобусе и обсуждали музыку восьмидесятых.

– И я ляпнула, что среди моих любимых была “When doves cry”.

– “Принс”. Хорошая песня.

– Конечно! – Карина посветлела. – И мы начали напевать. Та-да-да Та-да-да. Та-да-да-да. А потом... Мы уже говорили о чем-то другом, и тут одна из нас снова завела, а другая подхватила. Та-да-да, и мы ржали так, что чуть не описались. Не особо по-взрослому, но сам понимаешь – неделя до окончания гимназии. Вроде как попустило.

Симон кивнул.

– А на следующее утро. – Карина запнулась. – Обещай не смеяться.

– Слово скаута. – Симон клятвенно вскинул руку.

– Ну. „Да я сама понимаю, звучит по-идиотски. – Карина почувствовала, что краснеет.

– Давай же, говори.

– Ладно, но ты правда не смейся! – Карина сделала над собой усилие. – На следующее утро после того разговора в автобусе у меня на подоконнике лежала мертвая птица. Белый голубь.

Несколько секунд было тихо, а потом Симон захохотал.

– Блин, Симон, ты обещал. – Карина ткнула его кулаком в грудь.

– Ну сорри. Просто это так...

– Глупо. Ну да, понимаю. Блондинка с большими сиськами. – Карина скрестила руки на груди и отвернулась.

– Нет, нет. Я не это имел в виду. Прости. – Симон прекратил смеяться. – Ты совсем не дурушка. Но ты же не думаешь, что голубь может вот так просто влететь в окно?

– Не может, потому что я бы проснулась от шума. При этом голубь не был ранен. Он просто лежал на подоконнике, как будто спит. Почти красивый, хотя как-то неприятно красивый. Я решила, что нас кто-то подслушал и шел за мной до дома. С тех пор мне и мерещится.

– А тебе не кажется, что кто-то подшутил над тобой? Кто еще был в автобусе?

Карина задумалась.

– Машина Алекса была в ремонте, и они с Бруно сидели в самом конце. Еще куча малышни, младший брат Мари и

его одноклассники. Ты тоже там был, но сидел, как всегда, в наушниках и не слышал нас.

– В таком случае главный подозреваемый – Алекс. Ты же знаешь, что он устроил после того, как мы посмотрели “Крестного отца”?

– Напихал Бруно в подушку конского навоза. Идиотская история, весь поселок слышал.

– Он это назвал “лошадиной подушкой”. – Симон усмехнулся. – Бруно с ним две недели не разговаривал. Ребячество, но смешно.

Карина несколько секунд смотрела на него, а потом вздохнула.

– Наверное, ты прав. Очень может быть, что это кретинская выдумка Алекса. – Ей хотелось, чтобы по голосу было ясно: Симон ее убедил. Но обмануть себя не получилось.

– Или у меня мозги заскучали, решили сделать жизнь поинтереснее. – Карина опустила руки. – Иногда мне все просто до смерти надоедает. Понимаешь?

Симон кивнул, но ничего не сказал.

Несколько секунд они молча стояли в темноте и смотрели друг на друга. Сердце у Карины билось тяжело, но не только от страха. Симон сегодня точно был какой-то другой. Такой зрелый, интересный, такой...

Повинуясь порыву, Карина вдруг шагнула вперед, обхватила Симона за шею и прижалась губами к его губам. Языки встретились, все слилось в один возбуждающий вкус – слю-

на, трава, алкоголь. Тела прижались друг к другу, и Карина ощутила, как быстро он наливается.

– Возьми меня с собой, – выдохнула она Симону в ухо. – Возьми меня с собой в Стокгольм. Мы можем жить в одной квартире, я отложила деньги. Симон, только мы с тобой.

Она хотела поцеловать его, но Симон вдруг отстранился. Положил руки ей на плечи, глубоко вдохнул.

– А как же Алекс?

– Алекс, – фыркнула она. – Алекс придурок. Так всю жизнь здесь и просидит. Олимпиада, не Олимпиада – когда ты в последний раз слышал рассказы о роскошной жизни борцов? – Карина запнулась на последних словах и выпалила их, словно боялась опоздать.

Она взяла Симона за руки и положила его ладони себе на талию, прижалась к нему. Все еще жесткий.

– Ну их к черту – Алекса, Неданос, все к черту. Свалим отсюда. Только ты и я. – Карина снова хотела поцеловать его, но Симон отодвинул ее. Карина разозлилась.

– Ты же хочешь. – Она крепче прижалась к его промежности. – Чувствую, что хочешь.

– Слушай, Карина... – Симон отступил, расцепил объятия и поднял руки. – Я не могу.

Его прервал звук быстрых шагов, камешки катились по склону. Луч карманного фонарика ослепил их.

– Вот вы где, – заорал Бруно. – Вы чем занимаетесь, мы же собирались купаться? Поставили фонарики и все такое.

Пошли!

– Сейчас. – Симон заслони́л глаза от света и покосился на Карину. Когда Карина увидела выражение его лица, у нее перехватило дыхание. Не возбуждение, не страх, что Бруно застал их вместе. Нечто другое, что ударило ее в живот, будто ржавым ножом. Сострадание.

Этот повернутый на музыке задрот Симон Видье, который годами вздыхал по ней и который наверняка несколько раз в неделю предавался влажным фантазиям о ней, пожалел ее. Да как он посмел.

Глава 13

Осень 2017 года

Когда Анна в начале 2000 года проходила курс по следовательской работе, занятия у них вел старый опытный легаый из убойного отдела. Он говаривал, что для следователя опаснее всего решить все для себя с самого начала. Мозг тут же начинает автоматически подгонять любую информацию под результат. Информация, которая ведет к другим выводам, иногда попросту отбрасывается.

“Внимательность к сомнениям, – наставлял он. – Умение смотреть на вещи непредвзято. Вот что отличает хорошего следователя от плохого”.

Фреска отлично вписывалась в эту систему рассуждений. Если решить, что на ней изображено темное озерцо, окруженное лесом и крутыми скалами, то так оно и будет. Можно сколько угодно отдаляться и приближаться – не увидишь ничего, кроме отражений в воде. Но как только поймешь, что там есть что-то другое, силуэт под темной поверхностью, то смотреть на картину и не видеть этой фигуры уже невозможно.

Анна и Агнес все утро проговорили о фреске, о Карле-Ю и Симоне Видье. Агнес так увлеклась, что не спросила о взломщике (которого Анна, может быть, вообразила), и Ан-

ну это вполне устроило. Ей совсем не хотелось, чтобы Агнес не чувствовала себя в безопасности в собственном доме, особенно теперь, когда они наконец нашли способ сблизиться. Обрели общий интерес. Они уже решили при первой же возможности еще раз попробовать отыскать каменоломню, чтобы Агнес могла сфотографировать ее. Одна только мысль о вылазке приводила Анну в хорошее расположение духа, несмотря на трагический контекст.

Утро следовало бы посвятить подготовке к разговору с полицеймейстером лена. Но Анна налила себе кофе, закрыла дверь кабинета и щелкнула по ссылке на статью Википедии – ссылку только что прислала ей Агнес, прямо из поезда.

Карл-Ю родился в 1943 году в Мальмё. Настоящее имя – Карл-Юхан Петтерсон. Учился в Королевской академии изящных искусств в Стокгольме, потом еще пара стипендий в Париже. Его ранние работы представляли собой улицы, такси и Сакре-Кёр, освещенный сзади. По мнению многих – многообещающий старт. В 1971 году двадцативосьмилетний Карл-Ю неожиданно заключил в ратуше Лунда брак с двадцатиоднолетней Элисабет Видье, с которой познакомился всего за несколько месяцев до этого. Может быть, он думал, что “Петтерсон” – это слишком обычно, потому что по какой-то причине пара стала носить не его фамилию, а фамилию Элисабет. В том же году у них родился сын, Симон. Даты в статье не было, но заключение брака и рождение ребенка в одном и том же году, вместе с гражданской церемонией,

указывали на некоторую вынужденность свадьбы.

В начале семидесятых Карл-Ю писал очень мало. Возможно, между ним и живописью стояло отцовство, или он утратил вдохновение. В 1975 году он снова взялся за кисть, но стиль радикально изменился. Поросшие перелеском пригорки, шведские луга и леса, всегда с налетом меланхолии и мечтательности. Новый стиль принес Карлу-Ю огромную известность, его картины теперь где только не появлялись.

Анна защелкала по ссылкам на картины, и перед ней несколько раз открылся уже знакомый мотив. Вид из Табора. Утро, день, ночь. Анна нашла еще несколько темных озер, но, как и говорила Агнес, ни одно из них не походило на озерцо с фрески. Краски тоже были другие. В семидесятые-восемидесятые Карл-Ю писал светло и энергично. Его картины становились все лучше, и к концу восьмидесятых он начал приобретать международное признание. Выставлялся в Берлине, Лондоне и Нью-Йорке, с отличными отзывами. А потом, как и рассказывала Гуннель из магазинчика, все оберело гораздо более мрачный оборот.

Единственный ребенок Карла-Ю и Элисабет, Симон, скончался осенью 1990 года – произошла трагедия, он утонул недалеко от родного дома. В том же году у Карла-Ю диагностировали наследственное заболевание, пигментный ретинит – болезнь глаз, которая со временем приводит к полной слепоте. И хотя популярность Карла-Ю продолжала расти и в нем видели одного из самых выдающихся художни-

ков своего поколения, в 1990-е и 2000-е годы он не выстав-
лял новых работ, и неизвестно, были ли вообще завершен-
ные работы. В 2010 году представитель семьи объявил, что
Карл-Юхан страдает болезнью Альцгеймера и окончательно
оставил живопись.

Стекла в окнах задребезжали от глухого грохота. Анна по-
ка еще не привыкла к звуку взрывов во владениях “Glarea”.
От грохота завибрировал пол, вибрация передалась кофей-
ной кружке. По темной поверхности пошли маленькие кру-
ги.

Ровно в пять часов Анна закончила рабочий день. От Аг-
нес пришло сообщение; дочь писала, что ее подвезли до дома
и Анне не нужно ехать на вокзал. Интересно, кто ее подвез,
подумала Анна. Кто-то из вчерашних девочек или их родите-
лей, ответственных за встречу чада из школы? Какое-то вре-
мя она боролась с побуждением позвонить и дознаться, но
куратор ясно дал понять, что Агнес нуждается в личном про-
странстве, так что Анна неохотно отказалась от этой мысли.

Она порылась в базе, надеясь найти что-нибудь про Си-
мона Видье, но, как и ожидала, ничего не нашла. В 1990 году
систему еще не компьютеризировали, так что, если она хо-
чет почитать материалы расследования, придется спустить-
ся в архив. Однако Анна решила, что ее внимания требуют
более важные вещи.

*Например, что твой адвокат до сих пор не позвонил, про-
шептал Хокан. Мы оба знаем, что это значит. Что внут-*

реннее расследование продолжается, что оно еще не закончено.

Что побег не помог...

Чтобы заткнуть Хокана, Анна решила пройтись по участку, поболтать со служащими. Ни на Йенса Фриберга, ни на его вызывающую раздражение коллегу Анна не наткнулась, но довольно быстро поняла, что слухи о вчерашнем инциденте уже начали распространяться. Полицейские постарше откровенно ухмылялись при ее появлении, но младшим во всяком случае хватило тактичности отвечать на ее вопросы нейтрально-вежливо. Надо в ближайшую же неделю разработать стратегию. Найти способ продемонстрировать, кто здесь отдает приказы.

По пути домой Анна настолько погрузилась в эту проблему, что с ней едва не приключилась беда. На одном из неявных поворотов, которых на холмах было множество, ей попалась встречная машина. Анна поздно обнаружила, что машина несется по ее полосе, и вильнула в сторону в последний момент. Оба правых колеса оказались на краю асфальта, брызговики предупреждающе хлопнули по ним, прежде чем Анна вернула колеса на асфальт. Она бросила взгляд в зеркало заднего вида и успела заметить задние огни белого пикапа с эмблемой “Glarea” и чем-то вроде телескопического крана на крыше; потом машина скрылась за следующим поворотом. Склоны по обеим сторонам дороги были крутые, поросшие могучими деревьями. Если бы Анна вылетела за

обочину, последствия могли бы оказаться очень серьезными. Она пообещала себе впредь быть внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.